

МАРИЯ ВОРОНОВА

• Суд сердца •

ЖЕНСКИЙ ПРИГОВОР

Суд сердца. Романы М. Вороновой

Мария Воронова
Женский приговор

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Воронова М. В.

Женский приговор / М. В. Воронова — «Эксмо», 2018 — (Суд сердца. Романы М. Вороновой)

ISBN 978-5-04-197736-8

Мария Воронова давно известна среди читателей как автор женского романа и постепенно набирает популярность. Она практикующий хирург, ежедневно сталкивающийся с десятками человеческих судеб. Ее работа дает огромное количество жизненных сюжетов, которые получают воплощение на бумаге. Ее романы мудры, герои живые, а многие фразы становятся афоризмами. Первая книга об Ирине Поляковой. Молодой судье впервые приходится судить и приговорить к высшей мере наказания убийцу-маньяка, подпольного рок-музыканта Мостового. Она готова исполнить свой долг, но чем дальше слушается дело, тем больше сомнений возникает у нее в виновности подсудимого. Установить истину судье помогают народные заседатели, директор школы Надежда Георгиевна и аспирантка Наташа.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-197736-8

© Воронова М. В., 2018
© Эксмо, 2018

Мария Владимировна Воронова

Женский приговор

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

© М. В. Виноградова, текст, 2024

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2024

* * *

Ирина терпеть не могла табачный дым, но традиционная сигарета в постели позволяла провести еще несколько минут рядом с любовником. Валерий обнимал ее, прижимал к себе, глубоко затягивался, так что уголек разгорался сильнее, и медленно выпускал дым, стряхивая пепел в тяжелую хрустальную пепельницу, которую ставил себе на грудь, совсем близко к лицу Ирины. Они молчали в такие минуты, просто лежали и наблюдали, как белый дымок поднимается к потолку, и Ирина верила, что настанет день, и сразу после любви не придется вскакивать и бежать. Они с Валерием просто поцелуются и уснут вместе.

– Пора. – Валерий с силой потушил окурочек в пепельнице и поставил ее на пол.

– Еще немножко... так хорошо... – прошептала Ирина.

– Хорошо, солнышко, но пора. Садик скоро закроется.

Времени оставалось еще порядочно, но Ирина вскочила. Надо выглядеть ответственной и заботливой матерью. И Валерий все равно идет к законной жене, какая разница, сейчас или через пять минут, с горечью подумалось ей.

Она стала одеваться, делая вид, что торопится, но в то же время разрешая ему посмотреть на себя – на легкое, стройное тело, которому роды не нанесли ни малейшего ущерба, на прекрасные волосы и на роскошное польское белье, купленное у фарцовщиков на «Галере».

Ирина с радостью отметила, что Валерий не спешит одеваться, а так и лежит в постели, разглядывая свою подругу. «Что ж, пусть он уходит, но, ужиная рядом со своей расплывшейся супругой во фланелевом халате, он станет вспоминать обо мне, и перед сном, глядя на бигуди и жирную от крема рожу дражайшей половины, он поскорее представит меня», – злорадно подумала Ирина.

– Что ж ты не встаешь?

– Сейчас, солнышко, – Валерий улыбнулся и вдруг закурил вторую сигарету, что делал очень редко, – я просто задумался, как сильно тебя люблю.

Сердце екнуло, и руки, застегивавшие пуговичку на блузке, вдруг перестали слушаться. Неужели?

– Иринушка, ты у меня лучшая сотрудница, – сказал Валерий, – пора тебе расти...

Нет, счастье наступит не сегодня. Она отвернулась, чтобы любовник не увидел в ее лице разочарования.

– Куда расти?

– Знаешь, распишу-ка я тебе дело Мостового!

– Это маньяка, что ли?

– Ну да, можно и так сказать.

– Но там же высшая мера предусмотрена.

– Да, но дело крепкое, ясное. Тебе нужно только скрупулезно соблюсти все формальности, чтобы не было шансов на пересмотр или апелляцию, но тут я за тебя спокоен! В чем в чем, а в этом ты у меня мастер!

Ирина нахмурилась.

– Да не бойся ты! – Валерий, за разговором уже успевший одеться, коротко потрепал ее по плечу. – Зато заявишь о себе как о грамотной, принципиальной и решительной судье. В конце концов, должен же кто-то карьеру делать, если меня попрут с должности, когда я разведусь!

«А когда ты разведешься?» Ирина едва не спросила этого вслух, но успела прикусить язык. Ей не хотелось делать карьеру, не хотелось никого приговаривать к высшей мере и вообще судить. Единственное, что она по-настоящему желала от жизни, – это быть женой и матерью семейства, и именно этого жизнь упрямо ей не давала.

Вечером, уложив сына спать, Ирина включила программу «Время» и, вполуха слушая бравурные репортажи, подумала, что уже этот вечер мог бы быть совсем другим. Вместо одинокого бдения перед телевизором мог быть приятный семейный ужин, они бы сидели за столом все втроем, Валерий, Ирина и Егорка (конечно, она бы разрешала сыну лечь попозже), рассказывали о своих делах, смеялись бы, подтрунивали над фальшивым пафосом новостей и немножко над невнятной речью генсека. Совсем чуть-чуть, потому что некрасиво высмеивать физические недостатки. Она бы испекла шарлотку или печенье «Из мясорубки», или что-нибудь еще на скорую руку. А потом, снова подумалось Ирине, они бы с Валерием легли спать вместе и могли зачать общего ребенка. Да, все это могло бы происходить уже сегодня.

Уже сегодня она могла стать счастливой, но вместо этого – только боль одиночества и тихое отчаяние. И надежда на счастье, которая то ли дает силу жить, то ли еще больше травмирует душу.

Потому что все идет не так, как хочется, и она, будто Алиса в Зазеркалье, только удаляется от того, к чему стремится. Ирину преследовало чувство, будто все, что происходит с нею сейчас, – это не настоящая жизнь, а просто какое-то недоразумение, да и она сама словно не она, а так, черновая заготовка, спящая красавица.

И все же это не так. Хоть этот день был горек и до краев наполнен отчаянием, он никогда не повторится. Нельзя будет вернуться в него и «пережить» заново счастливой женой. Он прошел безвозвратно, как и многие другие дни ее молодости.

От этой мысли стало совсем невмоготу, и Ирина открыла секцию в стенке, в которой хранила вино. Каждый вечер она надеялась обойтись без алкоголя, но за последний год ей ни разу этого не удалось. Бокал вина перед сном немного притуплял боль одиночества и бессилия.

«Я же не алкоголичка, – подумала Ирина после первого глотка, – просто мне очень тяжело. Если бы я сама могла что-то сделать, я бы это сделала, но остается только ждать. Как только Валерий уйдет от жены, я даже не вспомню больше про вино. Сегодня он определенно сказал, что уйдет, хотя много раз я это уже слышала. Тем более контекст какой-то странный, зачем ему, чтобы я делала карьеру? Наоборот должно быть, если он хочет на мне жениться. Я б сидела дома, щи варила, а он мне расстрельное дело сует. Будто это так просто – взять и человека отправить на смерть собственными руками. Можно подумать, у нас мужиков-судей нет на такие дела!»

Бокал опустел, и Ирина, поколебавшись немного, снова наполнила его. В бутылке осталось совсем на доньшке, значит, скоро придется покупать новую. Ирина стеснялась это делать: проходить в винно-водочный, смешиваться с толпой местных алкоголиков было стыдно, и

она старалась ездить в магазины, расположенные подальше от дома и работы, покупала две бутылки, одну – белого столового вина и одну – «медвежьей крови», чтобы продавщица думала, что она готовится к застолью. И все равно казалось, что женщина за прилавком все про нее понимает, поэтому, выйдя из магазина, Ирина обещала себе, что эта порция вина станет последней, и несколько дней думала, что сдержит обещание. Но потом вино подходило к концу. Ирина вытряхивала последние капли в бокал, заворачивала пустую бутылку в газету и прятала в сумку, чтобы утром незаметно выбросить. И в эту минуту она уже знала, что завтра пойдет в винный и перенесет унижение, потому что иначе никак не притушить отчаяния, выжигающего ее изнутри. Никак не пережить одинокий и безнадежный вечер.

Сила этой привычки пугала, и каждый раз был миг, когда рука, протянутая к бокалу, замирала на полпути, и Ирина понимала, что пить совсем не нужно. Но быстро подбегали другие мысли, о том, что это всего один бокал, и не водки, а сухого вина, которое, наоборот, полезно для здоровья. И уж точно это лучше, чем снотворное. Да и отказаться она может в любой момент. Но только не сегодня. Не сегодня. И, наверное, не завтра, но когда станет счастливой – точно!

Ирина взяла бокал за ножку и поболтала перед глазами, как делали герои иностранных фильмов, которые она изредка смотрела. Кажется, так можно определять качество вина, хотя какой там букет за два пятьдесят! Она заметила только, что наливает себе все больше и больше, начинала с «на донышке», а теперь почти до краев.

Надежда Георгиевна рассеянно слушала рассказ Василия Ивановича о городской олимпиаде по математике и думала, как быстро все-таки школа высасывает из мужчины мужское начало. Или это университетское образование? Когда Василий Иванович год назад пришел сюда работать, он примерно такой и был: со скверной стрижкой, сутулый, в дешевой обуви и непрременной вязаной жилетке под не подходящими друг другу брюками и пиджаке. Всегда мел на обшлагах, а то и на лице, потому что Василий Иванович часто увлекался, объясняя материал, а потом забывал привести себя в порядок. Сейчас в моду вошли «дипломаты», дорогое, конечно, удовольствие, и достать трудно, но люди как-то исхитряются, добывают, а бедняга Василий так и ходит с потертым портфелем, невероятно похожим на бабушкин кошелек. Да весь он как его портфель – потертый, неухоженный, не старомодный даже, а какой-то старушечий.

Бывая в других школах, на совещаниях и конференциях, Надежда Георгиевна замечала на педагогах мужского пола некую печать убожества, которая проявлялась очень быстро. Да что там, даже пионервожатые устраивались на работу красивыми ладными парнями, а через месяц уже покрывались какой-то особой учительской патиной...

Только трудовика, физрука и военрука защищает мужественность их профессий и форма. Сразу не скажешь, что под синим рабочим халатом и спортивным костюмом скрываются обычные алкоголики, а военрук Юрий Сергеевич – из прежнего поколения, настоящий фронтовик, и за годы работы не обаbilся. Женский коллектив – сила, конечно, страшная, но куда против этого! Впрочем, Юрий Сергеевич все время проводит у себя в кабинете, как говорят дети, «в бункере». Странно, военрук – страшный зануда, и предмет у него не сказать, чтобы интересный, но вот парадокс – дети его любят, даже девочки, и соблюдают дисциплину на уроках. Надежда Георгиевна удовлетворенно улыбнулась. Господи, как хорошо, что в свое время у нее хватило ума выйти замуж за курсанта военного училища! Подружки бомбардировали ее стереотипами, что «все военные тупые», и «намыкаешься по гарнизонам», и что успешную военную карьеру делают единицы, а большинство просто спивается в разных медвежьих углах нашей необъятной Родины.

Хорошо, что у нее с детства была привычка жить своим умом, а слушай она подружек, так оказалась бы замужем за таким вот недоразумением, как Василий Иванович, а сейчас, ско-

рее всего, уже состояла бы в разводе. Почему-то подобные ничтожества больше всех любят разводиться.

Она так замечталась, что совсем перестала слушать, что говорит ей Василий Иванович, и спохватилась, только когда между ними повисла неловкая пауза. Видимо, он что-то спросил и теперь ждал ответа. Надежда Георгиевна сдвинула брови и перелистнула лежащую на столе стопку документов, думая, как выйти из положения, но помощь пришла откуда не ждали. В кабинет без приглашения ворвалась Лариса Ильинична и завопила: «Надеждочка Георгиевна!»

Надеждочка Георгиевна поморщилась. Она терпеть не могла эту недавно появившуюся манеру обращения между женщинами: уменьшительно-ласкательное имя плюс отчество. Но терпела, потому что запрещать подчиненным называть друг друга как они хотят было бы самодурством.

– Садитесь, Лариса Ильинична, и спокойно расскажите, что случилось.

– Если вас не смущает присутствие Васеньки Ивановича, – негромко заметил последний, и Надежда не сдержалась, фыркнула.

Говорить Ларисе Ильиничне, что она занята, смысла не имело – более бесцеремонной женщины Надежда Георгиевна в жизни не встречала. В сущности, беспардонность ее достигала высот настоящего искусства и вызывала скорее восхищение, чем раздражение.

– Так я что хочу сказать, – произнесла Лариса Ильинична, с трудом умещающая свое грузное тело на стуле.

Надежда Георгиевна кивнула, мол, слушаю, и посмотрела на двух сидящих напротив нее людей. Что ж, школа убивает мужественность, но и женственность в ней тоже не расцветает. Ларисе всего лишь тридцать пять, а она уже расплылась, разжирела, носит блузки с сарафанами, потому что все другое смотрится на ее фигуре убийственно, на ногах – модные сабо, правда, не настоящие импортные, а всего лишь эстонские. Впрочем, их тоже достать не просто. Только у Лариски это не дань моде, а необходимость – не может такая туша порхать на изящных каблучках.

Сама Надежда Георгиевна в последнее время тоже располнела, ну так имеет право, ей все же сорок один год исполнился. Появился зад, животик, и вообще очертания тела изменились, она превратилась в то, что называется «дама с буфетом», но это возраст, а раскармливать себя до состояния бесформенной глыбы – совсем другое дело. Одевается она в соответствии с должностью – есть финский костюм брусничного цвета, есть сарафан, есть блузки с жабо. Тоже, конечно, не символ женственности, но положение обязывает. Зато она всегда на каблучках, а в прошлом году пошила каракулевую шубку и шапочку.

Так что, несмотря на возраст, лишние килограммы и руководящую должность, выглядит она много элегантнее Ларисы. Просто не сравнить. Тут Надежда Георгиевна спохватилась, что снова задумалась и не слушает коллег, и ободряюще кивнула.

– Так я что хочу сказать, – с напором повторила Лариса Ильинична, тряхнув головой. Волосы у нее были хороши, просто на зависть, но она убивала всю их прелесть несуразной стрижкой и начесом. О, если бы Надежде досталось такое богатство, она бы распорядилась им гораздо лучше!

– Этот Козельский, он вообще страх потерял! – продолжала Лариса. – Несет бред, ахинею и меня же душой перед классом выставляет!

– Как такое возможно? – усмехнулся Василий Иванович, но Лариса только отмахнулась.

– Этот наглец заявляет, что Гоголь любил своих героев и что они у него не отрицательные, а просто разные. А Плюшкин так вообще якобы трагический! Болезнь его одолела, а так он был хороший! Крепостник – хороший! Такое ляпнуть!

– Ну почему бы не прислушаться к мнению ученика? Почему не подискутировать?

– Да потому что это чушь! Весь класс понял произведение, а он не понял? И я должна тратить время класса на всякие глупости только потому, что кому-то захотелось повыпендриваться и показать, какой он особенный?

– Можно после урока индивидуально обсудить, – мягко заметил Василий Иванович.

– Да? А на кой мне это сдалось? Этот Козельский, он, на минуточку, получает бесплатное образование от Родины! Бесплатное, хочу сказать! Так пусть он подумает не о том, какие хорошие были персонажи Гоголя, а о том, что если бы он жил в другое время или в другом месте, то его родители бы на трех работах каждый пахали, чтобы он мог в школу ходить и выделяться, как вошь на гребешке. Или он сам должен был туалеты мыть, чтобы заплатить за учебу. Так я что хочу сказать, надраил бы десяток нужников, так сразу желание бы отпало рассуждать, кто хороший, кто плохой. Сидел бы и слушал учителя как миленький. Эта его наглость, это от безделья все. Да кто он такой вообще?

– Ну как кто? Победитель городской олимпиады по математике.

Надежда Георгиевна кивнула в такт словам Василия Ивановича и подумала, как хорошо, что он оказался тут и принял на себя часть негодования Ларисы.

– Я спрашиваю, кто он такой? Кто его родители? – воскликнула Лариса азартно и сама ответила. – Да никто! Забуддыги вонючие! Гнать его, пока не поздно, да и все. Пусть в путягу шурует и там строит из себя академика!

Надежда Георгиевна покачала головой и улыбнулась:

– Лариса Ильинична, он действительно умен, как академик.

– А, ну так теперь ясно, откуда ноги растут! Вы с ним цацкаетесь, вот он и решил, что прямо эксперт по всем предметам.

– Послушайте, – Василий Иванович повернул стул так, чтобы лучше видеть Ларису Ильиничну, – как вы считаете, Молчалин же отрицательный персонаж?

– Ну да, а при чем здесь это?

– А Чацкий – положительный?

– Безусловно! Что за вопросы?

– В таком случае позволю себе напомнить, что «в мои лета не должно сметь свое суждение иметь» – слова не Чацкого, а Молчалина.

– И что дальше? – Лариса, до сих пор сверлившая взглядом начальницу, резко повернулась к Василию Ивановичу, так что тушь посыпалась с густо накрашенных ресниц.

– А дальше то, что мы восхищаемся смелостью суждений Чацкого, его способностью резать правду-матку, свободомыслием, свободолюбием... – Василий Иванович сделал эффектную паузу, – восхищаемся и от учеников требуем восхищаться, но при этом заставляем их вести себя, как Молчалин. Несостыковочка у вас получается, Лариса Ильинична!

– Вот не надо! Везде у меня состыковочка, согласно методических указаний и учебного плана!

– Методическим указаниям и учебному плану, – мягко заметил Василий Иванович, – вы меня простите, что поправляю, но вы все-таки словесник и должны знать такие вещи.

– Короче, у меня все правильно. На почве крепостничества вырастают разные, но одинаково уродливые типы крепостников, Гоголь их обличает, и любовь какую-то тут нечего выискивать. Это у вас, Василий Иванович, какая-то несостыковочка случилась, что вы, ассистент кафедры университета, у нас оказались. Но я ж не лезу!

Почувствовав назревающий конфликт, Надежда Георгиевна постучала по столу кончиком карандаша. Сказала, что приняла к сведению слова Ларисы Ильиничны и отчет Василия Ивановича, и кивнула, мол, можете идти. «А если сцепитесь за дверью моего кабинета, то это будет уже ваше личное дело», – по думала она.

Тут раздался звонок, и Надежда Георгиевна отправилась вести химию, по странному совпадению – в тот самый класс, где учился наглый Козельский.

Выйдя в учительскую, она на секунду остановилась перед большим зеркалом в простенке и осталась вполне довольна своим видом: полная, но подтянутая, аккуратная, на сарафане ни складочки, бант на блузке не покосился, не примялся, и прическа не растрепалась. Впрочем, лак «Прелесть» дает ей на это не слишком много шансов, скрепляет намертво, превращая волосы в подобие брони. Говорят, есть какие-то другие лаки, после которых волосы не напоминают на ощупь стекловату, но даже «Прелесть» просто так не купить, а уж эти-то... И мечтать нечего!

Войдя в класс, Надежда Георгиевна сразу посмотрела, на месте ли Козельский, и, увидев парня, невольно подумала о пристрастности судьбы, которая слишком щедро одаривает некоторых людей при рождении. Возмутитель спокойствия был не только очень умным парнем на грани гениальности, но еще и красивым юношей, обещавшим вырасти в невероятно привлекательного мужчину. Обычно способные дети или очень некрасивы, или обладают особенностями характера, затрудняющими общение со сверстниками, но у Козельского не было и этого изъяна. Он в меру хулиганил, давал всем списывать домашку и подсказывал правильные ответы ученикам, терпящим бедствие у доски. Непонятно было только, зачем этой звезде понадобилось самоутверждаться таким странным способом – завязать научную дискуссию с откровенной душой?

Надежда Георгиевна не любила проверять тетради, поэтому контролировала выполнение домашнего задания выборочно, в течение урока, и сегодня в проскрипционный список попала фамилия «Козельский», чего раньше почти никогда не бывало. Слушая устный ответ отличницы Розочки Вулах, Надежда Георгиевна смотрела то в чью-то тетрадку, то на милое, открытое, еще совсем детское личико девочки, то на байроническую физиономию Козельского и думала о собственной дочери.

Почему Аня не может быть такой, как Розочка? Надежда Георгиевна вздохнула. Отдавая дочь в другую школу, она делала это для того, чтобы у девочки не развился комплекс принцессы, чтобы злые языки не шипели, мол, у Ани Красиной одни пятерки не потому, что она умная, а потому, что мать завуч (семь лет назад Надежда Георгиевна еще не была директором). Кто ж знал, что теперь она станет радоваться собственной дальновидности совсем по другим причинам: дочь дерзит и дома и в школе, пытается использовать косметику, дружит с самой неподобающей девочкой в классе, слушает какую-то ужасную музыку. В общем, отбилась от рук, и страшно подумать, что бы было, учись она в школе матери! Аня как Козельский – на все имеет свое мнение, только не тратит время на разглагольствования, а просто делает что хочет! Парнишка хоть учиться не забывает, а эта... Со своими мозгами могла бы быть круглой отличницей, но ленится, вместо уроков запоем читает книги, неприятно даже думать, какие именно, и, кажется, сама что-то пишет. Общественной работой заниматься не желает, не думает, что скоро в институт поступать, а могут ведь и не принять, если так негативно ко всему относиться! Скрытная стала, мать избегает, упрекает, что заставляет ее ходить в обносках... Все Мийка этот проклятуций, не тем будь помянут. Не зря все нутро Надежды Георгиевны восставало против их странной дружбы, когда это взрослому парню, студенту было интересно с двенадцатилетней соплячкой, но муж успокаивал, и она сама себя уговорила, что дружеские отношения с сыном такого человека лишними не станут ни при каких обстоятельствах. И просчиталась.

Надежда Георгиевна вздохнула и потянула к себе журнал:

– Отлично, Розочка, «пять». Садись! – Выводя отметку в соответствующей клеточке, она подумала, что Розочкина мать, биологичка Ольга Моисеевна, не побоялась отдать дочь в ту же школу, где работает сама, и вот результат. Девочка просто образцовая, радость педагогов и улада родительского сердца. А все потому, что у матери на глазах!

Надежда Георгиевна поставила оценку в дневник, который Роза протянула ей открытым на нужной страничке, и с завистью отметила, что ведется основной документ учащегося идеально. Расписание написано далеко вперед, в каждой клеточке – номера примеров для домаш-

него задания, без помарок и грязи, и подпись родителя присутствует на каждом развороте. И дневник не засунут в типовую обложку, от которой за версту несет резиной, цвет ввергает в уныние и которая разваливается после первой же четверти. Нет, Розочка обернула свой дневник в нежно-розовую мелованную бумагу и аккуратно надписала, что это именно дневник Р. Вулах, как будто можно его с чьим-то перепутать.

Ну что ж, усмехнулась Надежда Георгиевна и снова взяла тетрадь Козельского. Задача повышенной сложности решена не только верно, но и остроумно, нетривиальным способом. Трудно поверить, что остальных ребят посетило точно такое же внезапное озарение, не надо быть Шерлоком Холмсом, чтобы понять: все, у кого она сегодня проверила домашнее задание, списали с Козельского.

– Молодцы, ребята, всем пятерки за домашнюю работу, – сказала она, – всем, кроме Сергея. Козельский правильно решил задачи, но у него нет полей до конца тетради и помарка. Домашнее задание нужно выполнять на черновике и только потом набело переписать в тетрадь, а про поля я уже устала вам напоминать. Купили тетрадку, взяли линейку и карандаш и прочертили поля до конца. Потратили десять минут и забыли, зато потом никаких забот! Не надо посреди урока отвлекаться от объяснений учителя, искать линейку... Порядок в делах – порядок в мыслях. Поэтому, Сережа, только «четыре». Раздай тетради.

После уроков школа опустела, жизнь продолжалась только на первом и втором этаже, где занимались группы продленного дня, и в актовом зале Тереза Семеновна вела кружок бальных танцев. Надежда Георгиевна остановилась под дверью, заслушавшись звуками вальса, который аккомпаниатор Евгения Армандовна живо и с душой исполняла на школьном рояле.

Бросив взгляд вдоль просторного коридора с высоким потолком, с большими и высокими окнами, Надежда Георгиевна подумала: как хорошо, что школа располагается в старинном здании, где просторные классы, в которых кое-где еще сохранились старые послевоенные парты с черными откидными крышками и толстым деревянным основанием, а не это современное убожество из двух досок и рахитичных железных ног. Как здорово, что, поднимая головы, дети видят не унылую бетонную плиту сразу над собой, а красивый сводчатый потолок с лепниной высоко-высоко! И хоть ученикам запрещено бегать по коридорам, но слава богу, что они настолько широки, что самый корпулентный старшеклассник может промчаться на перемене из конца в конец и никого не задеть. А особенная красота – это старинный дубовый паркет, который будто дышит, будто впитывает детскую усталость и освежает воздух ароматом старого дерева.хлопот с ним порядочно, но ни за что нельзя променять его на более удобный в эксплуатации линолеум. Когда был последний косметический ремонт, денег дали мало, и бригада попала особенно недобросовестная, во всяком случае, принципиальной разницы между школой и тюрьмой маляры не видели, возможно, провели во второй больше времени, чем в первой, и норовили покрасить стены в грязно-оливковый цвет, Надежда Георгиевна в самый последний момент пресекла этот вандализм, заставила найти нормальную краску и сделать так, чтобы каждый этаж выглядел по-разному. Первый, административный, – сдержанный светло-голубой, второй, где начальная школа, – уютный желтовато-розовый, третий – салатный, потому что там кабинеты естественных наук, ну а четвертый, где чистая математика, – жемчужно-серый.

Тогда ей здорово помог отец одного ученика, известный художник. Мало того что краску достал и подбирали колер, он еще предложил расписать стены на втором этаже разными сказочными персонажами или просто милыми зверьками. Первоклассникам будет приятно. Надежда Георгиевна теоретически идею одобрила, но воплотить побоялась. Все же дети приходят в школу учиться, готовиться к настоящей жизни, и должны сказки оставлять в детском саду, а здесь совсем другая наглядная агитация. Здесь малышей встречает ласковым и мудрым взглядом дедушка Ленин, и он же в виде Володи Ульянова на октябрьской звездочке. А на первом

этаже весьма интересные картинки по гражданской обороне. Портреты пионеров-героев. Что скажут в РОНО, если она разбавит все это каким-нибудь Карлсоном или Винни-Пухом? Благодаря прекрасным мультфильмам персонажи эти полюбились и детям, и взрослым, стали родными, но при соответствующей оказии соответствующие люди быстро припомнят, что пришли они к нам из капстран.

Кстати, о наглядной агитации, спохватилась Надежда Георгиевна и подошла к гипсовому бюсту Сергея Мироновича Кирова, стоящему в конце коридора, и заглянула на боковой срез. Так и есть, карандашом написано слово из трех букв, и слово это не «мир».

Господи, ну чем Киров заслужил такое? – покачала головой Надежда Георгиевна и достала ластик, который носила при себе специально на этот случай. Оскорбительную надпись она впервые заметила еще в прошлом году, но устраивать по этому поводу разбирательство претило ее натуре. Во-первых, не хотелось никак связывать себя с нецензурщиной, стыдно было не только произносить такое слово, но и признаваться в том, что она его прочла. А уж соединять в одном предложении мат и вождя пролетариата и вовсе нехорошо и даже опасно. Руководство задаст вполне резонный вопрос – как она допустила такую страшную хулу в адрес Кирова? Как это школе удалось воспитать чудовище, что пишет бранные слова не только на заборах, но и на памятниках вождям! Особенно на памятнике Кирову, чье имя свято для каждого ленинградца!

Поэтому она не пыталась поймать гада, хоть сделать это было вполне реально. Достаточно организовать засаду в лаборантской, но Надежда Георгиевна не отдавала такого распоряжения: схватив преступника, пришлось бы предать его злодеяния огласке, а это могло рикошетом ударить и по школе, и конкретно по ее директору. Поэтому Надежда Георгиевна просто стирала надпись, которая на следующий же день появлялась снова в том же самом месте, будто в книгах про привидения. Оставалось только надеяться, что это занятие рано или поздно надоеет неизвестному бунтарю.

Отряхнув руки, Надежда Георгиевна спустилась на первый этаж и вдруг столкнулась с Козельским, о котором уже начала забывать. Но при виде красивого лица парнишки ее кольнуло тоскливое чувство собственной неправоты.

– Надежда Георгиевна, я пролиновал тетрадь до конца! – сказал Сергей. Хорошо сказал, просто, без вызова, но разве в этом дело?

– Сергей, если ты наконец выполнил указание учителя, тут нечем хвастаться, – процедила она и отвернулась.

Можно было ответить совсем иначе. Сказать, что он умный парень, умнее многих, наверное, даже умнее ее самой и любого человека в этой школе, исключая, может быть, Василия Ивановича. Но как бы ни был человек умен, нельзя пренебрегать вещами, которые обязательны для всех, иначе это может плохо кончиться для него же самого. Спокойно объяснить, а не дать щелчок по самолюбию.

А с другой стороны, пусть привыкает! Лариса Ильинична правильно заметила – родители у Сергея действительно очень простые. Не забулдыги, но обычные работяги, некому его поддерживать, так что, если хочет чего-то добиться, пусть учится молчать и соглашаться. И унижаться.

Надежда Георгиевна загрустила. Сколько она видела на своем веку талантливых ребят, чьи дарования заглохли без поддержки! Чем больше эти дети верили, что молодым везде у нас дорога, тем больше шишек набивали, бросаясь на наглухо закрытые для них двери, и в конце концов ломались.

Анька вот тоже все отбрыкивается от матери, все сама да сама, а ведь не думает, что без родительской поддержки ничего у нее не выйдет, куда бы она там ни хотела!

И все же нехорошо она поступила с Сережей. Некрасиво. Тем более что Лариса Ильинична явно ожидала от нее другого. Наверняка думала, что директор вызовет вольнодумца к

себе и хорошенько пропесочит. Скорее всего, она и не успокоится, пока Надежда Георгиевна этого не сделает, будет просить и канючить, а то и настучит куда следует.

Русичка похожа на танк не только внешне, но и по своим боевым характеристикам, и амбиций там, кажется, через край. Место директора она на себя точно примеряет, и как освободить возделенное кресло, тоже прикидывает.

Лет десять назад на очередном семейном торжестве Надежда Георгиевна оказалась рядом с дальним родственником мужа, желчным и довольно противным мужиком. Она особенно не пыталась скрыть неприязни, только родственник ее не уловил и почему-то, наоборот, проникся к «Наденьке» доверием. Подвыпив, он весь вечер изливал ей душу и среди прочего сообщил, что осведомители КГБ буквально повсюду и очень глупо с ее стороны думать, будто это не так. К людям присматриваются еще в школе, иногда обещание сотрудничать берется в обмен на гарантированное поступление в вуз, а чаще осведомителей вербуют среди студентов, и в Надиной группе обязательно был сексот. Если ребята добросовестно доносят на товарищей и преподавателей, им помогают в дальнейшей карьере, чтобы они продолжали свое дело на рабочих местах. Тогда Надежда Георгиевна решила, что у родственника мания преследования и скоро агенты КГБ начнут ему мерещиться в собственной кровати, так что разумному человеку нечего даже слушать эту чушь. Она вспоминала своих однокашников – были среди них и отличники, и зануды, и разбитные девчонки. Всякие были, но представить, чтобы кто-то стучал на товарищей... Нет, невозможно! Потом карьера ее пошла в гору, розовые очки свалились с носа где-то в середине подъема, и Надежда Георгиевна поняла, что подозрительный родственник был не так уж и не прав. Она работает в прекрасной физико-математической школе, одной из лучших в городе, здесь учатся дети таких родителей, что дух захватывает, есть и просто уникально одаренные ребята вроде Козельского, конечно, за ними должен быть соответствующий присмотр! Наверняка есть в коллективе сексот, а может, и не один, но Лариса Ильинична – наверняка. В самом деле, она серая, как штаны пожарного, как попала в привилегированную школу? С таким уровнем знаний ей самое место в ПТУ, каковая аббревиатура, как известно, расшифровывается: «помогите тупому устроиться». Как она сюда пролезла сразу после института – загадка природы. Школа, конечно, математическая, но тем не менее определенный уровень культуры тут всегда старались поддерживать. И вдруг это «согласно учебного плана». Надо прежнюю директрису спросить, почему приняла Ларису на работу, но если по рекомендации соответствующих органов, разве она скажет?

В общем, конфликтовать с русичкой не стоит, но и страх свой показывать тоже ни к чему. Это дама такого рода, что осведомитель или нет, а если почует в человеке слабинку, мигом сядет на шею.

Господи, как все надоело! Дразги эти, склоки в коллективе, всех помирить, да так, чтобы каждый думал, будто прав, разбуди в подчиненных Песталоцци и Макаренко, да еще и пугалом для учеников работай!

А я ведь люблю детей, понимаю и желаю им добра, вздохнула Надежда Георгиевна и вдруг вспомнила, что пришла разнарядка на народного заседателя. Надо и тут решить, чтобы никого не обидеть и в то же время чтобы учебный процесс не страдал.

Сама пойду, неожиданно решила она, а что? Хоть посижу две недели в спокойной обстановке. Ни о чем не надо думать, ничего решать, сиди да поддакивай! Красота, кто понимает!

– ...О, вот и Глуш побежал, – сказал Аркадий Леонидович, затянулся своей любимой «беломориной!» и медленно выдохнул вонючий дым в открытую форточку.

За окном сгустились промозглые февральские сумерки, будто кто-то на небе заварил очень крепкий чай. Наташа всегда огорчалась, как быстро темнеет зимой: вот только что был день, оглянулся – а уже вечер.

В ординаторской горел верхний свет, так что в темном стекле отражался Аркадий Леонидович со своей папиросой, стеллаж с множеством скоросшивателей, фрагмент стоящего в углу скелета с надетой на череп медицинской шапочкой и сама Наташа.

Она подошла, почти прижалась лбом к оконному стеклу. Фонари на набережной Невы светили ярко, и она смогла отчетливо разглядеть Альберта Владимировича Глущенко, размашисто бегущего вдоль гранитного парапета. За спиной у него в такт бегу подпрыгивал довольно объемистый рюкзак, и Наташа сочувственно подумала, как ему должно быть неудобно.

– Он после Афгана стал бегать как подорванный, – заметил молодой доктор Ярыгин, в чьей шапочке сейчас щеголял скелет.

Аркадий Леонидович улыбнулся:

– Ну, милый мой, у нас троллейбусы так ходят, что быстрее добежать.

– А на выходном он ЦПКиО бороздит, – наябедничал Ярыгин, – только приду с детьми, красота, благодать, и тут Глуш вываливается из кустов! Будто мне на работе мало его хамства!

Наташа вздрогнула. Альберт Владимирович уже исчез из виду, и она вернулась за стол и села, стараясь не выдать своего волнения. Значит, по выходным Глущенко бежит в ЦПКиО, значит, можно будет туда поехать, и как знать... Да что тут знать, быстро одернула она себя, если он меня ненавидит! Я скучаю по нему, и каждая встреча, пусть случайная и мимолетная, для меня настоящая радость, но он-то совсем наоборот! Единственное, чего я добьюсь, если побегу за ним в парке, – он прибавит скорость и покажет хороший спортивный результат. Если бы он только знал, если бы вспомнил...

– Это вообще очень странно, – продолжал Ярыгин, – почему он бежит только с работы? Почему на службу приезжает, как все люди, а с работы бежит? Это ведь жутко неудобно. Приходится утром тащить с собой спортивный костюм, а обратно – форму.

– Может, его через КПП в спортивном костюме не пускают.

– Ага, конечно! Больной на столе, сестра намыта, анестезиолог в бешенстве, а Глуш маятся возле КПП или ищет дырку в заборе. Миленькая картинка, но нереальная. Альберт Владимирович такой хирург, что его будут пропускать даже в тростниковой юбке и с кольцом в носу. Если бы я был таким оголтелым спортсменом и специалистом его уровня...

– Будешь еще, – вежливо перебил Аркадий Леонидович.

– В общем, я бы бегал и на работу, и с работы. Слава богу, душ у нас есть, можно себя в порядок привести. Это даже рекомендуется по санэпидрежиму.

Наташа перестала слушать. Она немного завидовала Ярыгину, потому что тот учился у Глущенко, перенимал его уникальный опыт сосудистых операций. Не потому, что ей хотелось обязательно овладеть этими методиками и стать таким же незаменимым специалистом. Если бы она мечтала о карьере сосудистого хирурга, могла бы поехать к самому Покровскому или к другому корифею, Савельеву, ее везде приняли бы, как родную, и наставляли бы бережно и ласково. Во всяком случае, никто бы не орал на нее, что она «блатная», и не заявлял бы, что учить «доченок» будет только через свой труп.

Ярыгин честно заслужил адъюнктуру службой на подводной лодке, вот Глущенко с ним и возится, выращивает специалиста, а Наташе не повезло родиться в семье академика, лауреата Государственной премии и просто одного из крупнейших нейрохирургов в мире, значит, выросла она обязательно капризной и истеричной дурой, и тратить на нее время никакого смысла нет. Только разве родителей выбирают?

Но Альберт Владимирович, видимо, считал иначе. По его мнению, Наташа должна была или выбрать специальность вне сферы влияния высокопоставленного папы, или отказаться от отца, уйти из дома к чужим людям, если уж она чувствовала, что медицина – это ее призвание.

Как только Наташа поступила в аспирантуру, он сразу категорически заявил, что является начальником отделения, стало быть, кафедре не подчиняется, преподавателем не числится даже на четверть ставки, значит, обучать никого и ничему не обязан. Ему самому никто не

помогал, все свои методики и навыки он разработал и приобрел сам, благодаря упорному труду и чтению медицинской литературы, в том числе на английском языке, который не ленился учить, в отличие от своих товарищей. Таким образом, его знания – это его личное достояние, и он вправе сам решать, с кем ими делиться, а с кем – нет. Избалованной девчонке, которая родилась с золотой ложкой во рту, ни в чем не знала отказа, и, бесясь с жиру, почему-то возомнила себя хирургом, он точно свой опыт передавать не будет. Пусть бежит жаловаться папочке или просто треснет от злости, как угодно, но в отделение к нему она не войдет и порога операционной не переступит. Пусть сидит в библиотеке или в архиве, собирает материал для своей убогой диссертации, а он будет учить тех людей, которым не на кого рассчитывать, кроме самих себя.

Наташа действительно ходила в библиотеку – все равно необходимо писать обзор литературы, а клинический опыт получала у Аркадия Леонидовича на дежурствах. Днем всегда было очень много желающих пойти в операционную, аспирант мог рассчитывать разве что на роль второго ассистента, а по ночам народу мало, штатные дежурящие хотят спать, и есть вполне реальная возможность самой сделать аппендэктомию или даже холецистэктомию. Запрет Глущенко на работу в его отделении совершенно не застилал ей профессиональные горизонты, дело было совсем в другом: Наташа любила Альберта Владимировича и хотела быть с ним рядом. Ах, если бы он только вспомнил...

– Натах, а ты знаешь, что тебя в народные заседатели записали?

– Нет, откуда?

– Ну вот знай. Я как-то в трибунале сидел, и в принципе там клево. В гражданском суде, думаю, тоже ничего.

– К расстрелу приговаривали? – буркнула Наташа, прикидывая, как бы отвертеться от оказанного коллективом доверия.

– Да ну ты что! Окстись, какие расстрелы, время-то мирное! Так, по мелочи посудили, и все. Между прочим, это Глуш тебе сосватал. Сказал, что ты все равно балласт и слишком наглая для женщины. Так что если ты пойдешь, то, с одной стороны, работа не пострадает, а с другой – ты хоть две недели займешься настоящим женским делом.

– Это людей судить – женское дело?

– Нет, молча слушать, что говорят умные люди, кивать и соглашаться.

Наташа нахмурилась. Неужели Ярыгин не понимает, что сплетничает о своем учителе? Неужели забыл, что она дочка академика и в конце концов может пожаловаться папе, и принципиальный Глущенко продолжит научную и практическую деятельность в каком-нибудь богом забытом гарнизоне? Или это та самая простота, что хуже воровства? Она взглянула на Аркадия Леонидовича, и наставник только вздохнул и картинно развел руками.

– А если не согласиться с судьей? Вот что было бы, если бы ты вдруг взял и не согласился? Ярыгин расхохотался:

– Думаю, я был бы послан на хрен.

Наташа облокотилась на подоконник, уткнулась лбом в холодное стекло и стала смотреть на опустевшую набережную. От фонарей тянулись по поверхности Невы длинные мерцающие дорожки, по мосту быстро, чуть покачиваясь, шел трамвай. Внутри, кажется, совсем пусто: поздно, люди разошлись по домам, в тепло и уют. Иногда Наташа позволяла себе помечтать об общем уюте с Альбертом Владимировичем.

Она понимала прекрасно, что сбыться этим мечтам не суждено, и страдала, что любовь ее безответна, но все же ежедневные встречи были главной радостью Наташиной жизни, а из-за судебных заседаний они прекратятся на целых две недели. Четырнадцать дней придется жить без замиранья сердца, когда резкий голос Альберта Владимировича только послышится где-то вдалеке. Наверное, люди замечали, как она волнуется, а может быть, даже краснеет при виде Глущенко, как застревает на проходной (а вдруг столкнутся, и он увидит, как она эффектно выглядит без медицинской формы), как теряется и не может ответить на его хамство, хотя

обычно за словом в карман не лезет. Скорее всего, все давно поняли, что она влюблена в Альберта Владимировича, а какие-нибудь прекрасные в своей непосредственности люди вроде Ярыгина доложили ему. «Ты в курсе, что Наташка Попович по тебе сохнет? А кто ее папаша, не забыл? Давай, не теряйся!»

Вдруг Глущенко специально ее сосватал в народные заседатели, чтобы хоть две недели отдохнуть от влюбленных взглядов? Вдруг она выглядит со стороны еще более смешно и нелепо, чем ей кажется? Иногда Наташе так хотелось набраться смелости и признаться Альберту, поговорить с ним безо всякого кокетства, по-человечески, и бывали дни, когда она подходила к двери его кабинета, но тут ее охватывал такой ужас, что приходилось ускорять шаг, выходить в тесный скверик, зажатый между старыми флигелями, закуривать и ругать себя. Ничего хорошего с унижения никогда не начиналось, и глупо думать, что для нее вселенная сделает исключение. Глущенко должен вспомнить сам, или пусть остается при своем мнении.

Рабочий день подходил к концу, все мамыши стартовали кто в детский сад, кто в школу на продленку, а Ирина не торопилась уходить. Она включила кипятильник, а когда вода в банке забурлила, заварила себе растворимый кофе, с трудом поддев черенком ложки крышечку блестящего алюминиевого цилиндрика. Она не хотела признаваться себе, что пьет кофе, потому что хочется вина. Задумавшись, она опять пропустила важный момент – налить на коричневый порошок сначала немножко воды, размешать до состояния кашицы, а потом уж добавить остальное. Нет, плеснула все сразу, и результат не заставил себя ждать: на поверхность воды всплыли отвратительные комочки. Чертыхнувшись, Ирина попыталась избавиться от них, растирая тыльной стороной ложки о стенку кружки. Она специально не торопилась – вдруг Валерий все-таки заглянет к ней?

Никто толком не знал, можно ли пить чай на рабочем месте, но все судьи держали кипятильники, заварку и сахар, просто делали так, чтобы это не бросалось в глаза. Ирина хранила свои запасы за шторой на подоконнике, узком, неровном, на котором белая масляная краска давно посерела и пошла глубокими трещинами, разветвленными, как молнии или дельты рек. В грустные времена или в минуты задумчивости Ирина углубляла их, отколупывала краску кончиком ногтя, забывая про риск для маникюра.

Валерий иногда заходил вечерами, будто мимоходом, так, чтобы это выглядело естественно: «О, Ирина Андреевна, вы кофе пьете, налейте-ка и мне». Она приготавливала ему чашку (специально хранящуюся на этот случай в идеально чистом состоянии на верхней полке шкафа), любовник пристраивался на краешке ее стола, неторопливо пил, и они обсуждали, как прошел день. Хоть какая-то, пусть мимолетная иллюзия семейной жизни...

В начале их романа Ирина с энтузиазмом пекла домашнее печенье и плюшки, приносила на работу и угощала Валерия, чтобы он видел, какая она превосходная кулинарка. Но порой Валерий не заглядывал к ней неделями, изысканная выпечка черствела и отправлялась в мусорное ведро и, кажется, вообще не являлась для любовника аргументом, и со временем сменилась банальными покупными сушками.

Кажется, сегодня он уж не придет, вздохнула Ирина и аккуратно собрала ложкой комочки кофе, которые ей так и не удалось разбить. Попадая на язык, они создавали во рту ужасную горечь. Конечно, субстанция в жестяной цилиндрической банке с надписью «кофе натуральный растворимый» была не такой уж растворимой и, надо думать, не совсем натуральной. На вкус похоже, что порошок этот гонят из прокисших окурков, но делать нечего. Бразильский или индийский растворимый кофе идет только в заказах, да и эту бурду не вдруг найдешь. Чаще в продаже есть кофе в зернах, но это же с ума сойдешь, пока его прожаришь, пока смелешь, неизвестно, кстати, на чем... С другой стороны, кофемолку STRAUME с трудом, но достать можно, а стоит она всего двенадцать рублей. Две банки кофе.

Похоже, для разведенной женщины с ребенком она слишком много денег тратит на свои прихоти. Нужно экономить, ставить во главу угла потребности сына, и только потом, если останется немножко свободных денег, сделать себе маленькую поблажку. А не так, как она: заканчивается кофе – она идет и покупает новую банку (если повезет, конечно). Вино покупает постоянно, не дорогое, но и не самое дешевое. Если все суммировать, то рублей до тридцати в месяц уходит на то, без чего вполне можно обойтись.

Следует пойти в сберкасса, открыть вклад на имя сына и каждый месяц класть туда тридцать рублей, если уж они такие лишние, что она их пропивает. В год будет триста шестьдесят рублей, за десять лет три тысячи шестьсот, плюс проценты какие-то набегут. А за двадцать вообще ого-го!

Она проверила, выдернут ли кипятильник из розетки, и засобиравшись домой.

По пути зашла в гастроном. То ли из-за близости органов правосудия, то ли из-за других причин, но тут дело обстояло чуть лучше, чем в других магазинах. Продавщицы всегда чуть почище и чуть любезнее, шапочки накрахмалены чуть потуже, и даже если ничего нет, в витрине-холодильнике радует глаз крепостная стена, аккуратно выложенная из пачек пельменей. Стены на две трети облицованы серым мрамором, с потолка свисают хрустальные люстры, в стекляшках которых свет преломляется и бликует разноцветными искорками, в общем, красота. Даже настроение поднимается немножко. В конце концов, одну и ту же краюху хлеба можно съесть на газете, а можно – на фарфоровой тарелке. Ирина отстояла очередь в молочный отдел, попросила двести граммов масла и полкило сметаны, для которой предусмотрительно брала с собой банку из-под венгерского компота с завинчивающейся крышкой. Творог сегодня был тоже неплохой, Ирина взяла немного. Получив клочок бумаги с записанной на нем карандашом суммой, она переместилась к прилавку с гастрономией и, стоя в очереди, стала разглядывать мясной отдел, расположенный в торце длинного магазинного зала. Народу возле него почти не наблюдалось, и своим острым зрением Ирина рассмотрела, что куски мяса на подносах – дурные и заветренные. Если и было сегодня что-то приличное, то граждане давно все расхватили. Зато за спиной у мясника вдоль стены любовно возведены две пирамиды из каких-то консервов. Ирина задумалась: кто воздвигает все эти сооружения и зачем? Создать иллюзию изобилия? И еще одна загадка – почему в продуктовых магазинах продавщицы аккуратные, ухоженные женщины в форменных платяцах и колпачках, во всех отделах, кроме мясного? Там почему-то правят бал не промытые мужики в докторских халатах на голое тело и в засаленных джинсах. Мясники – высшая каста, небожители, которые могут таскать американские штаны, как настоящие американцы, то есть в качестве рабочей одежды, а не в особо торжественных случаях. Ну да, улыбнулась Ирина, они виртуозы своего дела, в любом куске кость всегда внутри. И сухожилия тоже не бросаются в глаза, так что по дороге домой хозяйке кажется, что она сможет сварганить что-то приличное, не налегая всем телом на ручку мясорубки. Везде видимость, иллюзия...

За философскими размышлениями она не заметила, как подошла очередь. Взглянув на прилавок, Ирина едва не подскочила от радости: в продаже была ветчина! Она поскорее взвесила довольно приличный кусочек и пошла в кассу «пробивать» свои покупки.

Классная штука – универсамы, там только одну очередь надо отстоять – на выходе к кассе. Жаль только, что они почти все в новостройках.

А бывший муж-пижон универсамы не любит, потому что, видите ли, название образовано из слов, относящихся к разным языкам, а это дурной тон. Вспомнив бывшего мужа, Ирина поморщилась, и угрызения совести за собственное расточительство ее покинули. Жизнь так безрадостна, так нехороша, что в ней должны оставаться хоть какие-то, пусть самые примитивные удовольствия. Хотя бы бокал вина на ночь и кофе. Как будто бывший муж чем-то жертвует ради сына! Перечисляет алименты, и до свидания. Дальше живите сами.

Нужно было идти в гражданское право и бороться за изменения в семейном законодательстве, потому что в нынешнем виде оно крайне несправедливо и просто оскорбительно по отношению к женщине. Мужчина развелся – и свободен. Оставил ребенка бывшей жене и живет как хочет. Отслюнявил жалкие двадцать пять процентов на алименты, а остальное тратит на что вздумается. Красота! Хочешь пей, хочешь – новых детишек заводи, а хочешь – все деньги на хобби просаживай. Рыбалка там, охота или марки собирать, у каждого свои интересы.

У женщин совсем иначе. До развода помощь от мужа, может, невеликая, но была, а после – прекращается. Из сада он уже ребенка не приведет и за картошкой не сходит. И это никак не компенсируется ни ребенку, ни женщине. Алименты в переводе с латыни значит «питание», так эти жалкие двадцать пять процентов даже питание не покрывают, а ребенку много еще чего нужно. Не хлебом, как говорится, единым... Удобная одежда, книжки, игрушки, все это необходимо. Своя мебель, за которой приятно заниматься, а не устраиваться за маминым письменным столом, рискуя свалиться с пирамиды книг, которую тебе подложили между стулом и пятой точкой. Приходится рисовать и одновременно балансировать, ноги-то до пола не достают. Ирина была убеждена: чтобы ребенок рос любознательным и трудолюбивым, нужно дать ему максимальный комфорт, не заставляя тратить энергию на преодоление ненужных и бессмысленных препятствий. Ее страшно раздражали матери, которые давали своим детям, например, лыжи не по размеру и не по росту, с креплениями в виде матерчатых колец, куда надо совать ноги прямо в валенках, и искренне удивлялись, почему дети никак не могут овладеть правильной техникой. А потом привычка без конца преодолевать то, что можно легко устранить, въедается в голову, и дети берут ее с собой во взрослую жизнь, не только в личную, но и в профессиональную.

В общем, денег на ребенка требуется много, но отца это уже не волнует. Все расходы ложатся на плечи матери, для разведенных и одиночек даже придумали специальное униженное словосочетание: «тянет ребенка». Чем же такие детки заслужили, чтобы их тянули, а не растили в радости?

Поэтому в интересах детей надо пересмотреть Семейный кодекс. Хочешь разводиться? На здоровье! Оставляешь жене с ребенком все совместно нажитое, и свободен. Только будешь платить не двадцать пять процентов, а шестьдесят. Что? Хочешь завести новых детей? Прости, но у тебя уже есть ребенок, ты не можешь его отшвырнуть, как неудачный черновик. Сначала поставь его на ноги, а потом уже плоди следующую партию безотцовщины.

Укладывая в холщовой сумке банку сметаны так, чтобы точно не перевернулась в автобусе, Ирина подумала, что, наверное, не рассуждала бы так строго, если бы у Валерия дочь была помладше. С другой стороны, как знать, может, он быстрее ушел бы от жены, если бы алименты составляли шестьдесят процентов. Совесть его была бы чище.

На сердце вдруг стало тяжело и тускло, будто туча опустилась, и Ирина сама не заметила, как очутилась возле винного отдела. «Может, взять? У меня большая сумка, если попрошу две бутылки, продавщица подумает, что я для праздничного стола... Выкинули бы какое-нибудь дефицитное пойло, там бы все хватало по две штуки в одни руки, и никто б не спрашивал, алкаш ты или нет».

Ирина быстро вышла из магазина, чтобы не поддаться соблазну. Она знает в лицо всех продавщиц, те тоже наверняка ее запомнили, а если как-нибудь выяснят, что она судья, получится нехорошо. На сегодня вино осталось, а завтра съездит в какой-нибудь магазин, где не была раньше и где никто ее не знает.

Советская женщина должна справляться со всеми своими обязанностями идеально, быть и ударником труда, и заботливой матерью семейства, не пренебрегать общественной работой и выглядеть приятно взгляду, но хорошим тоном считается делать все это на пределе сил. Жизнь

должна быть не радостью, а подвигом: этим постулатом была пропитана вся атмосфера вокруг Ирины, поэтому ей всегда было немного неловко перед знакомыми дамами за то, что домашние дела занимали не больше часа в день, и делала она их скорее с удовольствием, чем как мученица. Она умела хорошо организовать быт и могла приготовить полноценный обед за двадцать минут чистого времени, стирала по принципу: «чаще – значит легче», а к уборке относилась как к чему-то вроде зарядки.

До развода было приблизительно так же, муж не жаловался и ушел от нее не потому, что она плохо его кормила или держала в грязи.

Работа и дом оставляли ей достаточно сил и свободного времени, Ирина до сих пор думала, что все у нее в порядке с бытом, но любовник все не уходил и не уходил от жены, несмотря на ясные обещания, и у Ирины начались какие-то панические идеи, что она не умеет вести дом, всюду у нее грязно и не убрано, и Валерий просто брезгует связываться с неряхой. Нормальная женщина обязана посвящать дому все время, остающееся от работы и сна. «Что ты больше хочешь – замуж или сидеть одной и читать книжечку?» – спрашивала себя Ирина и начинала то зеркало в ванной протирать, то выключатели, то дверные ручки. Должно быть так, чтобы Валерий мог в любой момент переступить порог ее квартиры и найти интерьер в идеальном состоянии.

Покормив Егорку ужином, она помыла посуду, протерла дверцы кухонного шкафчика, чтобы не осталось ни единого пятнышка, и начала мыть плитку, думая, какой женоненавистник спроектировал всю эту нехитрую систему именно таким образом, чтобы хозяйке было максимально трудно отчистить грязь. Специально, наверное, старался, чтобы женщина мучилась, вместо нескольких взмахов тряпкой придумывала бы разные хитрости и уловки, как достать въевшийся жир из глубоких щелей, и чувствовала бы себя скромной героиней.

Но мысли о новом деле не отпускали Ирину, и почему-то росло раздражение на Валерию, который расписал процесс ей, хотя она просила его этого не делать. Или?.. Он сказал, что ей надо расти. Действительно, в университете Ирина без особых усилий завоевала репутацию блестящей студентки и закончила с очень высоким баллом, а после как-то застоялась. Сначала посвятила все силы мужу и ребенку, а потом последовал развод, явившийся для Ирины таким сокрушительным ударом, что она утратила последние профессиональные амбиции. Ей было больно даже дышать, и только мысль о том, что Егору надо что-то есть, заставляла Ирину каждое утро подниматься с кровати и отправляться на работу. Потом стало чуть полегче, она осознала свое положение «разведенки», и тут как раз старая председательница суда ушла на пенсию, а вместо нее прислали Валерию.

Ирина работала добросовестно, но чуть ниже своей «проектной мощности», как подтрунивал над ней папа, когда она в школе ленилась делать уроки и учить правила, зная, что и так получит пятерку. Валерий, несмотря на то, что любовник, один из немногих людей, которые видят в ней эту «мощность» и понимают, на что она способна. Вдруг он заботится об их общем будущем? Если (нет, лучше «когда») они поженятся, то трудиться в одном суде станет неудобно, так что, наверное, он старается, чтобы у нее появилась возможность выбрать другую работу...

От этой мысли Ирина повеселела и решила, что плита уже в порядке. Позвала сына и устроилась с ним на своем диване под пледом. У них это называлось «в норке». Сначала она почитала Егору про волшебника Изумрудного города, а потом началось самое интересное. Они выбирали книгу на иностранном языке (от старшей сестры Ирине перепало много детских книг на английском и французском), рассматривали картинки, и Егор сочинял какую-нибудь историю. Обычно он только спрашивал у матери, как зовут героев, а дальше следовал за своим воображением, и часто у него выходили прелестные истории, которые Ирина с удовольствием слушала. Но сегодня она отвлекалась на свои рабочие дела, вдруг почувствовав давно забытое тщеславие. Захотелось блеснуть, заявить о себе в профессиональной среде, показать всем, как

безупречно она может вести процессы. И как знать, вдруг это действительно станет стартом хорошей карьеры? Ирина улыбнулась, представив себя судьей Верховного суда. Пусть тогда Валерий попробует не развестись с женой... Ладно, хватит мечтать!

Итак, дело Мостового. Все началось в конце ноября восьмидесятого года, когда в сквере неподалеку от Военно-медицинской академии нашли тело девушки. Несчастная была убита одним точным ударом ножа, следов сексуального насилия или какого-то иного глумления над телом не обнаружилось, и в основном разрабатывались версии убийства по личным мотивам или с целью ограбления, потому что денег при потерпевшей не нашли. С другой стороны, серьги, золотая цепочка и колечко остались на месте, карманы не были вывернуты, в них лежали ключи от квартиры, мелочь и «барбариска», и родители клялись, что крупных сумм у их дочери на руках не бывало и быть не могло. Семья была состоятельная, детям мало в чем отказывали, но много наличных не давали. На допрос вызвали молодого человека, с которым девушка встречалась последний месяц и с которым, по показаниям родителей, бурно поссорилась за несколько дней до смерти. Молодой человек не смог предоставить убедительного алиби, но пытался оправдаться тем, что якобы является «плохо переученным левшой». Его, мол, в детстве научили писать и есть правой рукой, но все остальное он по-прежнему делает, как привык, в частности, играя в теннис, ракетку всегда держит в левой. Почему-то этот детский лепет показался убедительным, и никаких серьезных следственных действий, чтобы доказать или опровергнуть причастность молодого человека, проведено не было. Ни судебно-медицинской экспертизы, ни обыска, ничего.

Ирина усмехнулась. Что ж, теннис – спорт не для народа, а для его слуг. Наверняка у мальчика оказались родственники, которые быстро пресекли неуместную активность следствия.

Через три месяца еще одна девушка была убита точно таким же образом, как первая. В другом сквере, но расположенном совсем близко от первого места преступления, а смертельный удар был идентичен первому. Ведущей стала версия о маньяке, и вопрос о причастности молодого человека отпал сам собой.

Следующее убийство, случившееся только через восемь месяцев после второго, подтвердило предположение о маньяке, но к установлению его личности не приблизило нисколько.

Девушки не были знакомы между собой и не имели никаких точек соприкосновения: учились в разных школах, поступили в разные учебные заведения и жили далеко друг от друга. Только первая жертва постоянно бывала в этом районе, навещала престарелую тетку, остальные оказались на пути убийцы случайно: одна поехала в магазин «Ткани», о котором было известно, что тут самый богатый выбор в городе, другая хотела устроиться ночной санитаркой и шла из клиники, где беседовала со старшей сестрой отделения, на беду, назначившей ей встречу во время своего вечернего дежурства.

Потом были еще три жертвы. Милиция усилила патрулирование района, привлекла добровольную народную дружину, оперативные комсомольские отряды дружинников, но безрезультатно. Темных скверов и глухих дворов в районе предостаточно, и преступник наносил удар так грамотно и быстро, что несчастная девушка не успевала позвать на помощь. Больше всего картина преступления напоминала убийство императрицы Австрии Елизаветы Баварской итальянским анархистом Луиджи Лукени. Женщина даже не поняла, что случилось, решила, будто случайный прохожий просто ее толкнул, и лишь через несколько минут почувствовала боль в сердце и умерла. В общем, убийца не так уж сильно рисковал быть схваченным в момент совершения преступления. Одну жертву нашли сидящей на скамейке в сквере: видимо, маньяк ударил ее ножом и усадил – в сумерках это со стороны, наверное, выглядело как ссора влюбленных, или молодой человек оставляет девушку на несколько минут, чтобы сбегать к метро за мороженым или за пирожком для любимой. Все преступления совершались в темные времена года – поздней осенью, зимой или ранней весной, обычно в оттепель, когда

снег тает и на улицах так мрачно, что, отойдя метр или два от тусклого фонаря, человек совсем сливается с пейзажем. Темнота долгой ленинградской зимы, в которой так легко раствориться, хороша была и для сыщиков, но люди есть люди: милиция проявляла максимальную активность в первые недели после убийства, а потом волна энтузиазма спадала: мало что обескураживает так, как действия, не дающие абсолютно никакого результата. Потом наваливалась всякая другая работа, стражи порядка переключались на более свежие правонарушения, тут-то маньяк и наносил новый удар.

Дело казалось почти безнадежным, но в декабре, ровно через два года после первого эпизода, наконец произошел прорыв.

... Тут Егорка, еще минуту назад страстно рассказывающий матери о приключениях медвежонка Рикики, начал зевать, глаза стали закрываться. Ирина поцеловала его, крепко прижала к себе и, подождав, пока он уснет, отнесла в кровать. Наверное, следовало растормошить ребенка, отправить умываться и чистить зубы, но у нее не хватило силы воли. Ирина просто сняла с сына шорты и рубашку и уложила в постель, тщательно подоткнув со всех сторон одеяло. Вспомнила, какую гигантскую очередь пришлось отстоять в Гостином Дворе, чтобы купить этот комплект постельного белья с машинками. Встала утром, а получила вождеденный текстиль незадолго до закрытия. Считай, целый рабочий день провела на ногах, в толпе, среди злых и взволнованных людей, потому что все боялись, что не хватит. К счастью, стихийно возникла боевая группа теток, четко отслеживающая исполнение святого принципа: «по штучке в одни руки». В тот раз ядро очереди оказалось даже более свирепым, чем обычно, Ирина сразу поняла: нечего и мечтать о том, чтобы договориться с впереди стоящим и сзади стоящим, чтобы придержали ей место, погулять, а потом вернуться. Пришлось «отбыть срок» от начала до конца, борясь с головокружением от духоты в универмаге, со страхом, что белье кончится прямо перед ней, и даже со злостью на женщин впереди себя – у многих из них наверняка девочки, которым машинки радости не принесут. Но они все равно возьмут, из принципа.

Как, в сущности, глупо и нерационально, что и она, и все другие люди честно трудятся на рабочих местах, выполняют свои обязанности, но для нормальной жизни этого оказывается недостаточно. Чтобы вести относительно приличное существование, полноценно питаться, находиться дома в приятной и уютной обстановке, хорошо выглядеть и проводить досуг маломальски интересно, приходится выполнять серьезную дополнительную работу, которая у некоторых граждан оказывается потяжелее основной. Бесконечное рысканье по магазинам, особенно в конце месяца, вдруг что «выбросят» для перевыполнения плана, стояние в очередях, интриги на работе, чтобы получить вождеденную подписку на «Новый мир» или другое лимитированное издание... Но и этого редко бывает достаточно. Приходится обростать знакомствами, дружить с «нужными» людьми, договариваться, оказывать услуги, а этого Ирина не умела. Как бы ни хотелось ей одеваться получше, она не могла заставить себя заискивать перед необъятной бабищей – одноклассницей сестры и директором магазина «Галантерея». Кроме того, Ирина знала, что в сфере торговли вряд ли найдется человек, которого не за что посадить, а когда судья дружит с правонарушителями, это не делает ей чести.

Если вдуматься, странная ситуация: чтобы хорошо жить, хорошо работать недостаточно. Надо подворовывать, хитрить и унижаться, обязательно унижаться! И непременно лгать. А хочешь оставаться честным – бегай, как шакал, высунув язык, жди, когда тебе выкинут кость в виде финских сапог, например, и вступай за нее в схватку с другими шакалами. То есть все равно унижайся. Ну или ходи с гордо поднятой головой в ботинках обувной фабрики «Скороход»... Только далеко не уйдешь, потому что подошва через пять шагов отвалится.

А потом люди удивляются, что никто не хочет работать. Действительно, загадка, если за одни и те же деньги можно делать дело, а можно и не делать. Ну а главное, люди так устают от всего этого мельтешения, очередей, дефицита, бытовой неустроенности, что просто не успе-

вают восстановить силы. Даже мужики, на которых не висит работа по дому. Человек отпахал свои восемь часов, час еще давился в транспорте, потом два часа толкался в магазине, пришел домой, а там в двух смежных комнатах пять человек сидят друг у друга на головах: он сам, жена, двое детей и глухая бабка, которая смотрит телик, включив звук на всю катушку. Дети ругаются, жена тоже... Да элементарно человеку не остаться наедине с собой, задницу не почесать спокойно! Ночью с женой не переспать, потому что бабка в этой же комнате, и глухая-то она глухая, но всякие охи-вздохи улавливает как локатор. Да просто не выспаться нормально, комната маленькая, душно, а бабка не дает проветривать, ибо ее продует. Человек просыпается по будильнику, с тяжелой головой, не отдохнувший, но целеустремленный, и прибывает на работу уже полностью опустошенный, потому что последние крохи энергии из него выдавили в общественном транспорте. Но он стоит в очереди на квартиру, ждет открытку на машину, где-то в далеком светлом будущем маячит новый холодильник, белоснежный и сверкающий, как айсберг, и, вдохновившись этими идеалами, человек встает к станку.

Интересно, чем это существование принципиально отличается от страшной беспросветной жизни угнетаемых классов до революции? Разве что тогда электричества не было и провода... Ну и телевизора, конечно, иначе откуда бы мы знали, как хорошо живем?

Ирина поцеловала Егорку, зажгла ему ночник, тихонько прикрыла дверь детской и вернулась к себе под плед, по пути включив телевизор. Радостным репортажем о невероятных успехах какого-то животноводческого хозяйства завершалась программа «Время». Голос журналиста был напорист, бодр и слишком уж оптимистичен, чтобы можно было ему поверить. Но таким тоном озвучивались все сюжеты – и о разных правительственных событиях, и о пуске очередной космической ракеты, и о небывалом урожае. Только когда речь заходила о событиях в капиталистическом лагере, голос диктора менялся и становился скорбно-торжественным, как на похоронах, тревожным и немного сочувствующим, так что зритель мог по одному только тону понять, как нелегко живет нашему брату пролетариату при капитализме.

Полюбовавшись на коров, которых сняли как-то вскользь, не захватив в кадр их тощие бока и заляпанные навозом ноги, Ирина взглянула на часы. Сейчас будет о спорте, потом прогноз погоды под очень душевную мелодию, а после покажут какой-нибудь художественный фильм, и, если повезет, он окажется интересным.

Она поморщилась, подумав, что одиночество превращает ее в старуху, которой уже ничего не интересно, кроме сплетен и телевизора. Кажется, она стала меньше читать и начала сторониться серьезных книг, не потому, что сложно, а стало не с кем обсуждать прочитанное. Раньше она и муж обменивались визитами с друзьями почти каждые выходные, и в будний день, бывало, заглядывала к ним какая-нибудь незамужняя подруга Ирины или друг мужа, не нашедший еще свою пару. Ребята с курса или школьные друзья – с ними было интересно, весело. Если кто-то доставал интересную книгу, она шла по кругу, всегда в доме были чужие книги, и всегда же какая-то часть библиотеки Ирины находилась на руках у друзей. Слушали музыку и даже смотрели самодельные фильмы – приятель мужа был кинолюбителем, и у него в гостях всегда ели и пили очень быстро, потом жена убирала со стола, шторы задергивались, на стену вешалась белая пеленка, приятель настраивал проектор, и начинался показ черно-белого немого кино о совместных вылазках на природу. В этом было какое-то волшебство и плутовство одновременно, мгновение, украденное у времени.

А вот пение под гитару в их компании почему-то не прижилось. Один из приятелей мужа одно время ухаживал за рыжеволосой девушкой с огромными томными глазами и утиным ртом. Вероятно, она была привлекательная и сексапильная дама, но гитара, которую она носила вместе с сумочкой, делала ее просто невыносимой. Вроде бы и играть она умела, и голосом бог не обидел, и песни выбирала неплохие, но в целом почему-то все это оставляло настолько отвратительное впечатление, что все краснели и отводили глаза, будто сами сделали что-то нехорошее. Девушка быстро исчезла из их компании вместе со своей гитарой, и Ирина

позлорадствовала, не подозревая, что пройдет совсем немного времени, и исчезнет она сама. Развод будто выкинул ее из гущи жизни на обочину. Друзья мужа, понятное дело, остались с мужем, а ее собственные подруги почти все вышли замуж за друзей мужа, в чем она им активно содействовала. Да и вообще, разведенке иметь замужнюю подругу – это все равно что нищенке дружить с миллионершей: разница в положении непременно скажется. Одна будет сетовать на пустые щи, другая на мелкий жемчуг, но это ерунда. Гораздо страшнее, когда жалуешься на то, что муж храпит, той, у которой нет никакого мужа...

Господи, скорее бы Валерий уже созрел! Только брак с ним поможет ей вернуться к нормальной полноценной жизни, а то ни друзей, ни приятелей, даже не с кем поговорить. Ирина вскочила, быстро прошла в кухню и достала из шкафчика вино. После того как она налила бокал почти до краев, в бутылке еще чуть-чуть плескалось, и Ирина, прежде чем сообразила, что делает, допила эти остатки прямо из горлышка. На секунду ей стало страшно и мерзко: господи, как она выглядит со стороны – одинокая баба, присосавшаяся к бутылке! Она решила вылить вино в раковину и поставить точку на этом пристрастии, пока не стало совсем поздно. Но тут подумала, что это было просто автоматическое движение экономной хозяйки, точно так же она допила бы молоко или кефир, а когда заканчивается растворимый кофе или сгущенка, то она всегда ополаскивает банку кипятком, чтобы каждая молекула шла в дело. Так что ничего ужасного.

Ирина сделала маленький глоток, покатала вино по небу: обычная кислятина, или, как выражался папа, шмурдяк. Что ж, выбирать не приходится. Она отрезала себе два кусочка сыра, положила их на красивое блюдечко из сервиза и села за стол. Странно теперь думать, что еще два года назад в этой кухоньке было тепло, весело и уютно, шумел закипающий чайник, пахло свежей сдобой, и всегда кто-то смеялся – или муж, или сама Ирина, или Егорка вбегал с хохотом и топотом в распахнутые родительские объятия.

Ирина потянулась к сыру, но есть не стала. Отрезая кусок, она не заметила синюю пластмассовую цифру, вдавленную в плотную корочку – Егор их коллекционировал и любил сам выковыривать.

Чтобы отвлечься от тоски, она вернулась к размышлениям о предстоящем процессе. Итак, после двух лет полного застоя дело резко сдвинулось с мертвой точки. Как часто бывает, помогла случайность. Когда следователь понимает, что действует маньяк, он дает оперативникам указание отрабатывать лиц, причастных к половым преступлениям, по-простому говоря, извращенцев.

Оперативники добросовестно проверяли эксгибиционистов и прочую такую публику, но без эффекта, пока некая Татьяна Дементьева не обратилась в милицию с заявлением, что ее изнасиловал гражданин Мостовой. Дементьева была несовершеннолетняя, поэтому в отношении к ее словам отнеслись внимательно и готовы были развернуть все положенные следственные действия, но тут появились родители Татьяны, заставили дочь забрать заявление и увели домой. Медицинское освидетельствование девушки не проводилось, поэтому оставалось только гадать, в чем тут дело: или Таня хотела таким оригинальным и доселе неизвестным людям способом за что-то насолить Мостовому, или же у нее ужасные родители, готовые на все, лишь бы избежать огласки. На всякий случай оперативники решили присмотреться к Кириллу Мостовому, одинокому мужчине двадцати шести лет от роду.

Кирилл рос единственным ребенком в семье известного физика и учительницы младших классов. Отец работал в оборонке, поэтому был обласкан властью, семья получила хорошую трехкомнатную квартиру, «Волгу» с гаражом и дачу в Васкелове. Кирилл учился в английской школе, посещал музыкальную и радовал родителей хорошими оценками. Идиллия закончилась, когда парнишка учился в десятом классе. Отец умер от инфаркта, а мать заболела ревматоидным артритом и быстро стала инвалидом. Несмотря на эти потрясения, Кирилл закончил школу с высоким средним баллом, но на дневное поступать не стал. Оформил отсрочку

от призыва как единственный кормилец, устроился на работу молотобойцем в объединение «Реставратор» и поступил на заочное в университет на филфак. Казалось бы, достойные, мужские поступки человека, оказавшегося вдруг в тяжелых жизненных обстоятельствах.

Но судьба становится к юноше все суровее и суровее. Когда он учится на третьем курсе, умирает мать. Он не пытается перескочить на дневное, чтобы избежать армии, а как добропорядочный гражданин идет в военкомат, призывается и отправляется сначала в учебку, а потом матросом на подводную лодку и честно служит три года на Северном флоте. Демобилизовавшись, даже не пытается восстановиться в университете, а возвращается в объединение «Реставратор», где становится искусным кузнецом ручнойковки. Первая шероховатость: почему человек не хочет продолжить образование, тем более когда к этому нет никаких препятствий? Взрослый парень, отдавший долг родине, – да это идеал студента. Его бы зачислили на вечернее точно, а то и на дневное.

Но вместо респектабельной судьбы ученого-словесника Мостовой выбирает тернистый путь андеграунда. Сначала подводник, потом андеграунд, то есть подземник, улыбнулась Ирина, так и тянет его спрятаться.

Кирилл становится лидером рок-группы с претенциозным названием «Мутабор». Он пишет стихи и музыку и является вокалистом, а еще в группу входят два гитариста, клавишник и ударник.

После смерти родителей в исполкоме решили, что трехкомнатная квартира для одинокого молодого охламона – это слишком жирно, и подселили к нему двух старушек, оставив парню самую маленькую комнату. Что ж, Кирилл не возмущался, не жаловался, хотя мог бы, а старушки характеризовали своего соседа положительно. Тихий, трезвый, любезный, чисто-плотный, просто мечта, а не сосед.

Зато дачу, которую не смогли отобрать ни родственники, ни государство, Мостовой превратил в настоящую студию звукозаписи, работавшую почти круглосуточно. Многие группы записывали свои подпольные альбомы именно там.

После смерти отца Кирилл продал машину, а гараж остался, и Мостовой разрешил им пользоваться старому приятелю отца. Официально безвозмездно, ну а как оно там на самом деле, бог его знает.

...Ирина выпила еще чуть-чуть, растягивая удовольствие. С появлением магнитофонов запрещать идеологически невыдержанную и просто стихийно возникающую музыку стало проблематично, поэтому репрессии сменились тотальным игнорированием. Граждане могли на своих личных магнитофонах сколько угодно слушать Высоцкого и других самодельных исполнителей, но в поле официальной культуры их просто не существовало. Лишь в конце жизни Высоцкий получил несколько пластинок и пару записей на телевидении, но в сравнении со всем его творческим наследием это была даже не верхушка айсберга. Только рок-группы не могли похвастаться и этим. Бедняги даже не удостоивались ругательных статей в прессе, всю мощь своего негодования журналисты обрушивали на западные группы. Местные дарования жили будто в параллельном мире, как грибы, которые широко раскидываются под землей тонкой и невидимой сетью грибницы, но прорастают наверх плодовыми телами. Так и рок-музыканты выкидывали периодически из своего подполья самодельные сборники на магнитофонных лентах, так называемый «магиздат». Среди них, как и среди грибов в лесу, попадались всякие, и поганки встречались почаще, чем благородные боровики.

Ирина не считала, что раз запрещено, значит, хорошо. Например, пресловутый «Архипелаг ГУЛАГ» она так и не осилила, хотя все будоражащие атрибуты самиздата – и почти «слепая» печать, и папиросная бумага, и прошивка суровой ниткой, были налицо. До научного труда трактат явно недотягивал, какой-то сборник страшилок и легенд, а для художественной литературы качество текста было слишком низким и сильно отдавало кликушеством. Очень трудно было поверить, что друзья действительно читали это ночь напролет, не в силах ото-

рваться, как утверждали, передавая экземпляр дальше по эстафете. Она так и сказала мужу, чем спровоцировала первый серьезный скандал... «Но это же АРХИПЕЛАГ!!! – орал муж. – АРХИПЕЛАГ ГУЛАГ!!!» – «Ну и что?» – пожимала плечами Ирина и пыталась объяснить, что сталинизм обличать нужно, но не так, потому что единственное оружие в борьбе с ложью – это правда, а не точно такая же ложь, только с противоположным знаком. Она пыталась убедить мужа, что когда-нибудь, когда преступления сталинского режима будут официально признаны, маятник шатнется в обратную сторону, и найдутся ушлые ребята, которые убедительно докажут, что в «Архипелаге» написана неправда, ну а раз так, значит, и вовсе не было никакого сталинизма, и культа личности, и лагерей не было никогда.

Да, тогда они крепко поссорились, не разговаривали почти сутки... Ирина сделала еще глоточек и поморщилась, вдруг сообразив, что с мужем не стеснялась раздавать оценки, а вот с Валерием уже иначе. Никогда она не выскажется прежде, чем уловит, что хочет услышать от нее любовник. Отец Ирины выписывал толстые журналы, когда «Новый мир», когда «Знамя», когда «Иностранную литературу», в зависимости от того, подписку на что удавалось урвать. Понравившиеся произведения он в конце года переплетал в самодельные альманахи, и один из них, с любимым «Счастливчиком Джимом» Ирина дала почитать Валерию, почти уверенная, что он тоже придет в восторг от этой светлой и легкой книги, без традиционной русской тоски и самобичевания рассказывающей о непростой судьбе интеллигентного человека. Но Валерий заявил, что в жизни не читал подобной чуши, и Ирина стала лепетать, мол, да, конечно.

Вообще у них, кажется, очень разные литературные вкусы, но разве это важно для семейной жизни? Суть человека раскрывается не в том, что ему нравится или не нравится, а в его поступках. А тут пока... Ирина зажмурилась и приказала себе думать о предстоящем процессе.

Бывший муж уважал рок, так что она тоже поневоле стала в нем разбираться, и кое-что ей даже нравилось. Не так, чтобы посвящать этому досуг, но послушать иной раз какую-нибудь композицию бывало приятно. Зарубежные группы нравились ей больше, а наши в основном казались подражателями. Некоторые произведения отечественных рок-музыкантов напоминали истерику капризного ребенка, требующего, чтобы на него обратили внимание во что бы то ни стало. Творческий метод одной группы, кажется, основывался на принципе «сделай сам» – они просто ставили слова в случайном порядке, предоставляя слушателям самим наполнить текст глубоким смыслом (подразумевалось, что он обязательно есть). Но «Мутабор» стоял особняком в этой самодельности. В его песнях Ирине чудилось что-то настоящее, человеческое, не сиюминутное. Не просто протест ради протеста. В общем, музыка была мелодичная, но не гениальная, голос Мостового тоже не поража́л диапазоном, да и тексты не сказать чтобы поэтическое откровение. И все же что-то было, из-за чего становилось понятно: «Мутабор» – не просто явление молодежной моды, трусливо замалчиваемое властью. Среди других групп эта, наверное, меньше всех уделяла внимание критике советского строя, больше пела о любви, об одиночестве, о поиске себя. Группа завоевала сердце Ирины фразой: «Свет звезды целует шум волны, время и вечность влюблены». Не бог весть что, но сразу ожило воспоминание о первой любви, о ночи на берегу моря в Коктебеле... Потом она услышала веселую, даже разухабистую песню: «Что ж ты, милая, голову повесила, я умер, когда ступил на палубу подводного крейсера, и теперь каждый миг – подарок судьбы и бога, чтобы ты любила меня живого!»

А теперь выясняется, что автор этих песен – маньяк... Ирина сполоснула бокал и поставила на сушилку. Хотелось выпить еще, но спиртное в доме закончилось. Надо было купить тогда в гастрономе, подумаешь, две бутылки вина, ничего стыдного!

Она налила себе кофе и, прихлебывая кислотовато-горькую жижу, стала думать дальше. Очень может быть, что кандидатуру Мостового на роль маньяка не стали бы дальше рассматривать, если бы один оперативник не вспомнил про традиционное морское оружие – кортик. Кирилл служил матросом, и ему этот атрибут не полагался, но мало ли что... Отправили запрос, и действительно: в части, где служил Мостовой, у одного офицера обокрали квартиру и

унесли в том числе кортик. Кирилл в это время как раз находился на берегу, а не в походе, так что совершить кражу вполне мог. Конечно, зацепка очень жидкая, но судебно-медицинские эксперты дали заключение, что офицерский кортик как орудие данных преступлений подходит идеально, и за неимением других подозреваемых следственная бригада продолжила разработку рок-музыканта.

Наивно было бы думать, что если власти не смотрят в сторону русского рок-движения, то они за ним не присматривают. Разумеется, весь андеграунд буквально напичкан осведомителями КГБ, и ОБХСС там тоже пасется, ловит организаторов «левых» концертов. Ради такого благого дела, как поимка серийного убийцы, ведомства эти поделились оперативной информацией, но ничего полезного не сообщили, кроме того, что места обнаружения тел все находились неподалеку от привычных маршрутов Мостового на работу, на электричку или к друзьям. Очевидцев преступления не было ни в одном случае, но при расследовании первого и четвертого убийства нашлись свидетели, видевшие высокого человека в темной куртке и без шапки неподалеку от места обнаружения тела, а Кирилл как раз носил черную кожаную куртку, ходил без шапки и был весьма высок. Следственная группа приободрилась и установила за Кириллом наружное наблюдение. Несколько недель ничего не происходило, а потом Мостовой стал приставать к девице на улице и свернул за нею в темный и безлюдный проходной двор. Поскольку было известно, что маньяк не церемонится со своими жертвами, а наносит смертельный удар внезапно, оперативники не стали ждать, пока Кирилл обеспечит себе твердую доказательную базу, а сразу задержали его. По словам девушки, молодой человек якобы хотел ее проводить, потому что в районе орудует маньяк и ходить одной по глухим углам небезопасно. При умелой игре с фактами это обстоятельство вполне можно повернуть в пользу виновности Мостового – откуда он знает о существовании маньяка, если сам им не является? У нас, слава богу, не гнилой капитализм, мы не смакуем преступления и пороки человеческой природы в средствах массовой информации. У советских людей другие интересы. Ну это так, крохотное перышко на весах правосудия, гораздо важнее, что при обыске у Кирилла в кармане нашли складной нож, из тех, что называют в народе перочинным, а правильнее было бы швейцарским. По словам Мостового, нож был подарком отца на шестнадцать лет, и с тех пор он всегда носил его в кармане, из всего множества лезвий используя в основном штопор.

Действительно, нож не подпадал под категорию холодного оружия, по результатам экспертизы не мог быть орудием тех преступлений, в которых обвиняли Кирилла, и не нес на себе следов крови, но Мостовой приставал к девушке, имея при себе предмет, с помощью которого вполне реально лишить человека жизни, и не его вина, что не успел пустить его в ход.

При задержании парень вел себя спокойно, даже доброжелательно, не впадал в истерику, не оскорблял милиционеров, что сделал бы любой уважающий себя рок-музыкант, а с улыбкой выдал ключи от квартиры, дачи и гаража для производства обыска.

Когда следственная группа, очарованная таким стремлением к сотрудничеству, почти уверилась, что Кирилл не маньяк, и они напрасно теряют время, в отделении появился оперативник, работавший с семьей последней жертвы. Посмотрев в лицо Кирилла, он вспомнил, что видел его фотографию среди бумаг покойной девушки, но родители сказали, что это какой-то западный исполнитель. Дочка интересовалась современной музыкой, в доме постоянно мелькали заграничные пластинки, какие-то фотографии, даже иностранные журналы. Видно было, что это увлечение совсем не радовало родителей, а снимок Мостового лежал среди таких же кустарных изображений вполне узнаваемых физиономий Джона Леннона, Маккартни, группы Led Zeppelin и прочей подобной публики, поэтому оперативник решил не углубляться в эту тему без необходимости. Теперь необходимость, кажется, появилась.

В квартире Мостового не нашли абсолютно ничего интересного, только старушек напугали, и обыск на даче поначалу тоже обескуражил. Зная, что дача используется андеграундом как студия звукозаписи, члены следственной группы приготовились увидеть жуткую помойку,

но кроме записывающей аппаратуры, все выглядело вполне среднестатистически. Даже груда пустых бутылок в сених оказалась не больше, чем у законопослушных граждан. Кирилл объяснил, что, к сожалению, верна поговорка: «посади свинью за стол, она и ноги на стол», и только очень немногие личности умеют не нагнать, когда ты к ним доброжелательно относишься и разрешаешь пользоваться своими вещами. Если бы он позволил тут кому-то распоряжаться в свое отсутствие, оглянуться бы не успел, как дача превратилась бы в притон. Поэтому правила у него жесткие: никто не бывает на даче в отсутствие хозяина, а если люди приезжают записывать альбом, то они именно записывают альбом, а не пьют или что похуже.

«Ага, – подумал следователь, – прекрасно! Если что-то найдем, не сможет возникнуть, что тут толпы народу пасутся без его ведома».

Но в доме пока ничего не находилось, и вокруг него тоже. Давно уже выпал и лег снег, земля оледенела до весны, и если Мостовой что-то закопал у себя на участке, ближайшие три месяца обнаружить это представлялось невозможным.

Оперативники, ни на что уже особенно не надеясь, приступили к обыску веранды и были наконец вознаграждены.

Сестра третьей жертвы уверенно указывала, что в прическе девушки был уникальный зажим для волос: жестяная основа с узкой пластмассовой пластинкой сверху, на которой написано «Lancome» и нарисована маленькая розочка. Этот зажим им из Польши привез дядя, бывший там на научной конференции, и с тех пор сестры постоянно ругались, кому сегодня надеть импортную штучку.

В тот роковой день победила старшая сестра, но при ней заколки не обнаружилось, и следователь предположил, что убийца забрал ее в качестве трофея.

Так вот этот зажим для волос нашелся у Кирилла на веранде под диваном! Следователь ликовал – наконец появилась убедительная улика, и он выжал из нее все, что только возможно: провел опознание зажима родителями и сестрой, приобщил к делу фотографию погибшей девушки, на которой в ее прическе ясно просматривалось это украшение, и отправил заколку на судебно-биологическую экспертизу. В замке обнаружили одинокий волос светло-коричневого цвета, женский, и групповая его принадлежность совпала с группой крови жертвы.

Когда зажим предъявили Мостовому, тот не смог объяснить, как вещь жертвы убийства оказалась у него на даче. Предположил, что потеряла какая-нибудь гостя, все же он – мужчина свободный, встречается с женщинами, и его приятели-музыканты часто приезжают не одни, а в сопровождении жен или возлюбленных. Кто угодно мог потерять заколку и не заметить, а потом она закатилась под диван, где пролежала бы еще сто лет, не случись этот обыск.

Гараж тоже обыскали, но, кроме возмущенных криков пожилого физика, ничего не добились. Кажется, он уже и забыл, что гараж принадлежит не ему, а Кириллу.

Мостового направили на стационарную судебно-психиатрическую экспертизу, а тем временем следственная группа продолжала работать. Они тщательно проверили все эпизоды на предмет алиби Кирилла. Вдруг он лежал, например, в больнице или совершенно точно находился в другом городе в момент совершения хотя бы одного преступления, но нет. Напротив, первое убийство случилось через три недели после того, как Мостовой пришел из армии.

По новой опросили родных и друзей погибших девушек, и выяснилось, что первая жертва, студентка филфака университета, не то чтобы увлекалась музыкой, но вращалась среди золотой молодежи, а в этом кругу надо быть в курсе последней моды на все – на одежду, музыку, книги, фильмы и даже автомобили. Впрочем, там уважали настоящих «забугорных» музыкантов, какой-то несчастный молотобоец со своим кустарным роком вряд ли мог серьезно заинтересовать такую искушенную светскую даму. То, что жертва с предполагаемым убийцей учились на одном факультете, ничего не дало. Девушка поступила в университет, когда Кирилл служил в армии. Может быть, по возвращении он заходил в деканат, узнавал насчет восстановления, и там познакомился со своей будущей жертвой, но эта версия ничем не подтвердилась.

Вторую жертву близкие характеризовали как домашнюю тихую девушку, мечтавшую только о счастливом замужестве и детях. Она без особого рвения училась на выпускном курсе педагогического училища, занималась рукоделием, читала книги про любовь и ждала своего принца. Девушка была очень красивая, стройная, высокая, но из-за робкого характера почти не имела поклонников и страдала от этого. У нее была близкая подруга, которая решила взять дело судьбы в свои руки и пригласила в гости, где обещала познакомить с двоюродным братом – классным парнем. Девушка взволновалась и твердо решила очаровать молодого человека. Она раздобыла разваливающийся, почти рассыпающийся в прах номер немецкого журнала «Burda moden» с выкройкой сногшибательного сарафана. Интуитивно улавливая смысл немецкого текста, перенесла лекала на кальку и отправилась на поиски материала.

Ирина вздохнула: как непредсказуема бывает человеческая судьба... Порой такая малость решает, жить тебе или умереть, что от этого сознания захватывает дух. Девушка сначала отправилась в Кировский универмаг, расположенный недалеко от ее дома, и там как раз выбросили ткань, которая при поддержке воображения могла сойти за джинсовую. Девушка заняла очередь и позвонила подруге из автомата, чтобы та скорее прибежала взять на свою долю. Девочки честно отстояли три часа, но ткань кончилась прямо перед ними. Подруга не очень огорчилась, а девушка уже настроилась сегодня шить, уже представила себе готовый сарафан и себя в нем, и так не хотелось отказываться от своих планов! А тут как раз подъехал восьмой троллейбус, идущий прямо к лучшему в городе магазину тканей, девушка прыгнула в него, и подруга уже занесла ногу на подножку, как вспомнила, что мама сегодня в третью смену, значит, ей кормить ужином отца и брата, которые, кстати, вот-вот придут домой, и страшно подумать, что с ней сделают, если они не получают горячей еды. Что ж, бедняжка поехала одна и домой больше не вернулась... Если бы только ей достались жалкие два метра дерюги, она сразу побежала бы шить сарафан. Если бы восьмой троллейбус не подошел, она села бы в метро и отправилась на Невский, где много магазинов. Если бы подруга поехала с ней, маньяк бы не напал на двоих... Столько возможностей было избежать катастрофы, но судьба будто за руку привела несчастную к трагической развязке.

Третья погибшая девушка училась в медицинском институте. Родители у нее были люди вполне обеспеченные, семья не нуждалась, но она хотела устроиться на работу, чтобы узнать медицину изнутри, получить практические навыки, а если повезет, то понравиться начальству и остаться работать в Ленинграде, а не загреметь по распределению черт знает куда. Она училась всего лишь на третьем курсе, но уже поняла, что в медицине сильна клановость, а раз родители не врачи, то придется как следует постараться, чтобы чего-то добиться. Эта девушка не отвлекалась на всякие глупости и мечтала взбежать вверх по карьерной лестнице, а не опуститься в подвал андеграунда. Кроме того, она пользовалась успехом у молодых людей, имела много поклонников, но никому не отдавала предпочтения и, по словам сестры, собиралась выйти замуж по расчету и ждала подходящего претендента, или, как выразилась сестра, «кадра». В перспективе брака с Мостовым для девушки с претензиями выгоды не просматривалось никакой, а просто так она бы встречаться с ним не стала. Кирилл тоже отрицал знакомство, так что версия, что девушка бывала на даче и потеряла там свою вещицу, засохла очень быстро. Тем более что сестра видела заколку на ней в день убийства, и вероятность, что девушка съездила к Кириллу на дачу, а потом была убита маньяком, представлялась столь крошечной, что ее не стоило рассматривать всерьез.

Ирина покачала головой. Да, такой ход событий маловероятен, а если зайти с другой стороны? Вдруг девушка дала поносить свою заколку какой-нибудь подруге? Просто от широты души. Или надоело ругаться с сестрой из-за симпатичной безделушки и поменялась с кем-то из девчонок в группе на импортную помаду или тушь, а дома решила соврать, что потеряла. А потом эта девчонка уже после гибели подруги посещала дачу Мостового и оставила там зажим для волос. Но, с другой стороны, следственная группа опрашивала всех подружек и однокурс-

ниц погибшей девушки, интересовалась последним ее днем буквально по минутам, так что про обмен было бы известно. Все же студентки мединститута – серьезные люди и понимают, что любая мелочь может быть очень важна в расследовании.

Четвертая девушка, единственная иногородняя, училась в ЛИТМО и жила в общежитии. Сокурсники у нее были преимущественно мужского пола, подруг она не завела и казалась полностью погруженной в учебу. Среди физиков нелюдимость считается чем-то вроде хорошего тона, но даже в их окружении девушка производила впечатление замкнутой. Никто не знал, чем она увлекается помимо науки, с кем встречается, есть ли у нее молодой человек и как она оказалась в безлюдном сквере вдали от своих обычных маршрутов, тоже никто сказать не смог. Преподаватели характеризовали ее как необычайно одаренную студентку и в один голос утверждали, что, если бы не трагическая смерть, девушка достигла бы больших высот в науке. В окружении Мостового о ней тоже ничего не знали, так что если и было знакомство, то его не доказать. Кирилл не признается, а девушка теперь уже ничего не скажет...

Пятая жертва была самой старшей среди погибших девушек и тоже имела отношение к медицине – она работала участковым терапевтом. В поликлиниках всегда не хватает врачей, участковым приходится перекрывать минимум по полтора участка, а когда приходит эпидемия гриппа, то бедняги почти переселяются на работу, являясь домой только ночевать. Бегать «по вызовам», забираясь в самые глухие и темные углы района, посещать неблагополучные дома, входить в неосвещенные подъезды, где за дверной коробкой архитектором будто специально предусмотрен уголок для убийцы, подниматься по темным лестницам и звонить в квартиры, где может поджидать все что угодно – вот специфика профессии участкового врача, о которой не принято говорить вслух. Маньяк подстерег свою жертву в крошечном дворе-колодце, куда были обращены глухие стены домов, – Ирина знала это место и боялась заходить туда даже днем, но двор был проходной, и сквозь него можно было существенно сократить путь. Бедная молодая женщина, измотанная десятичасовым рабочим днем, две трети которого она провела на ногах, уставшая, в промокшей обуви, хотела только одного – поскорее оказаться дома, и, на свою беду, решила срезать.

Терапевт вышла замуж за однокурсника на первом году учебы, и брак, в отличие от многих таких скороспелых союзов, не распался, несмотря на отсутствие детей. Муж, врач «Скорой помощи», имел твердое алиби: откачивал старушку с отеком легких в присутствии своего фельдшера и кучи взволнованных родственников, так что версия о том, что он симитировал почерк маньяка, чтобы избавиться от жены, не рассматривалась. Когда мужа, точнее, уже вдовца, опросили на предмет знакомства жены с Кириллом Мостовым, тот показал, что супруга увлекалась гомеопатией, читала все, что удавалось найти по этой теме, и не отвлекалась на всякую ерунду, в отличие от него самого. Вот он как раз хорошо знаком с творчеством группы «Мутабор» и многих других, имеет дома магнитофонные записи, в том числе один «альбом с обложкой», и вообще любит всякое искусство. За несколько месяцев до трагедии он водил жену на квартирник группы Мостового, музыка ей совершенно не понравилась, но внешность Кирилла она, безусловно, запомнила.

Последняя жертва, та, у которой обнаружили фото Кирилла, провалилась в театральный институт и на следующий год собиралась пробоваться снова, а пока работала лаборанткой на кафедре иностранных языков. Английский девушка действительно знала отлично, но выучила его в основном из любви к музыке, чтобы понимать, о чем поют любимые западные группы, а когда появились свои, русские, то с восторгом их приняла. Девушка была очень молода, наивна и протестовала со всем пылом юного сердца. Родители сетовали, что она общается с совершенно неподходящей публикой, даже посещает кафе «Сайгон», но контролировать дочь не могли и не знали, входил ли Кирилл Мостовой в круг ее сомнительных друзей.

От окружения Кирилла, несмотря на многочисленность, толку оказалось мало. Девушек никто не опознал, не видел ни одних, ни вместе с Мостовым. И никто, включая коллег из

объединения «Реставратор», не сказал о Кирилле дурного слова, что бывает довольно редко. Обычно в таких ситуациях люди, за исключением самых близких и верных друзей, начинают припоминать разные настораживающие факты и фактики, восклицать «а я ведь подозревал!», «была в нем какая-то червоточинка!» и прочее в таком духе, но знакомые Кирилла отзывались о нем только положительно. Тем удивительнее оказалось заключение психиатров, которые нашли у Мостового ярко выраженный психопатический склад личности, что странно, ибо обычно психопаты проявляют себя с юных лет и так портят жизнь окружающим, что заступаться за них никому неохота.

Эта психопатия, однако, не мешала Кириллу отдавать себе отчет в своих действиях и управлять ими, то есть бедняга объявлялся вменяемым, стало быть, подлежал суду и, в случае признания виновным, уголовному наказанию, а не принудительному лечению.

Следователь не забыл и о свидетелях, видевших высокого мужчину в темной куртке. К сожалению, после первого убийства прошло много времени, и человек, который мог бы опознать Кирилла, перенес тяжелый инсульт и не узнавал теперь даже собственных родственников, а вот свидетельница, проходившая по четвертому эпизоду, была совершенно здорова, бодра, несмотря на почтенный возраст, и уверенно опознала Кирилла как человека, которого она видела возле места преступления.

Что ж, это стало решающим аргументом для передачи дела в суд.

...Ирина так задумалась, сидя у окна в темной кухне, что не заметила, как улица совсем опустела, поток машин иссяк, и фонари тускло освещали пустую дорогу с высокими темными сугробами по обочинам. Она оглянулась: стрелки настенных часов еле виднелись в сумраке, но все же можно было разглядеть, что они показывают половину второго. Ого, как она засиделась!

В тишине ночи вдруг отчетливо стали слышаться звуки, которые теряются днем: металлическое щелканье часов, отрезающее уходящие секунды, стук редких капель из не совсем исправного кухонного крана, шум воды у соседей в уборной. Ирине показалось, что она слышит даже сонное дыхание сына. Она включила газ на плите, голубое пламя уютно зашумело и отогнало ночную растерянность и страх, и воображение стало рисовать приятные картинки, как Валерий совсем скоро будет здесь жить. Пройдет немного времени, и она так же будет допоздна размышлять над предстоящим процессом, а Валерий почувствует, что ее нет рядом, проснется и выйдет на кухню, сонный, растрепанный и милый... Интересно, что он сделает? Скажет «пойдем в кровать» или усадит ее себе на колени, и они станут вместе обсуждать сложные моменты дела? А потом увлекутся, захотят есть, и она быстро приготовит яичницу, так, как немногие умеют – толстенькую, белую со всех сторон, равномерно прожаренную, с нетронутым, но отлично пропекшимся желтком и хрустящим куском булки. И они станут есть, обжигаясь, прямо со сковородки, потому что так гораздо вкуснее и веселее.

Все это обязательно случится! И очень скоро, потому что ждать с каждым днем становится все тяжелее. Главное – провести процесс безупречно, чтобы вышестоящие начальники увидели ее возможности и дали шанс карьерного роста. И тогда Валерий точно решится...

Итак, Кирилл Мостовой убивал незнакомых, случайных девушек. Просто с годами он становился известным, узнаваемым, и это, наверное, облегчило ему задачу, последние жертвы знали его в лицо и без опасений подпустили близко. Шестая, бедняга, так, может быть, вообще сама подошла автограф попросить. А может, и врач-терапевт тоже, для мужа. «Милый, угадай, кого я сегодня встретила?»

Трудно сказать, как оно было на самом деле, потому что Мостовой вины не признал, ушел в глухую оборону. Не было даже такого, чтобы он дал признательные показания, а потом отказался от них, хотя Ирина подозревала, что давление на него оказывалось нешуточное и операми, и в камере. С другой стороны, что ему терять? Убил шесть девушек, оборвал шесть жизней, осиротил родителей, молодого счастливого мужа сделал вдовцом. У девушек были

близкие люди, подруги, возлюбленные, они горевали по ним и продолжают горевать. Какое тут может быть справедливое наказание, кроме высшей меры?

Ирина нахмурилась. Никто ее не поймет, если она, признав Мостового виновным, присудит ему что-нибудь другое. В общем-то, она сама себя не поймет. Тут или виновен – и расстрел, или невиновен – и гуляй. А виновен, но вдруг невиновен, поэтому пятнадцать лет – это беспомощный приговор, которым она навсегда испортит себе репутацию.

Наверное, Кириллу доброжелатели в камере нашептали, что чистосердечное признание облегчает вину, но отягощает срок. Если человек не признался, у судьи всегда остается хоть капля сомнения, а признался – что ж, дело ясное, так принимай в обе руки. Вот Мостовой и решил держаться всеми силами: на кону жизнь.

«Ах, этот вечный вопрос, что лучше: казнить невиновного или отпустить виновного, – усмехнулась Ирина, – казалось бы, все ясно: казнь невиновного – это не что иное, как убийство, кроме того, в этой ситуации ты автоматически отпускаешь виновного. Поэтому второй вариант предпочтительнее. Но не в этот раз. Если Мостовой – маньяк, то, отпустив его, я казню невиновных девушек – его будущих жертв. Даже если дам пятнадцать лет, то всего лишь отсрочу казнь на этот срок, потому что если заводится гадость у человека в голове, то никак ее оттуда не вытащить. Поэтому я просто не имею права на ошибку».

Ирина встала, потянулась, зачем-то открыла дверцу шкафчика, хотя прекрасно знала, что вина там нет. Самое обидное, что дело даже не вернуть на доследование: при скромной доказательной базе следователь выжал все возможное, провел все необходимые следственные действия. Придется работать с тем, что есть. Жиденько, конечно, но куриный бульон все равно куриный бульон, и неважно, сварен он из целой курицы или только из шеи и желтых когтистых лап.

«Вот что бы этому Кириллу последний раз пересечь улицу вслед за своей жертвой! – подумала Ирина в сердцах. – Шла бы она чуть быстрее, и хоть бы он ее только после перекрестка догнал! Тогда преступление совершилось бы уже в другом районе, и дело автоматически перешло бы на городской уровень и слушалось бы в городском суде!»

Про общественный резонанс тоже нельзя забывать. Официально рок-музыки у нас как бы не существует. Есть несколько мертворожденных, выхолощенных групп, неестественными голосами поющих бессмысленные песни. Они обозначаются аббревиатурой ВИА, что придает им налет «советскости». Группы эти критикуют и официальные лица, и просто люди с мало-мальски развитым вкусом, так что кажется, будто у нас свобода творчества, вон, смотрите, каких безголовых вахлаков на сцену выпускаем.

Только они служат неким покрывалом, под которым не видно настоящее, живое, идущее от сердца. В лучшем случае официальные лица презрительно cedят в сторону самодеятельных коллективов: «жалкие попытки низкопоклонства перед Западом». Тут жалкая попытка, там, вот тут еще, а явления – нет, не существует.

Но, не существуя, рок-движение все же развивается, растет и когда-нибудь достигнет такого размаха, что нельзя будет его игнорировать. Поэтому дело Мостового – настоящий подарок судьбы для идеологической машины. Пока вина Кирилла не доказана, нельзя порочить его имя публично, но множество журналистов сейчас сидят, затаив дыхание, рука к перу, перо к бумаге, и только ждут, когда Ирина произнесет «признать виновным», чтобы со страшной скоростью застрочить, как «пресмыкательство перед Западом», «рабское подражание капиталистическому образу жизни», «антисоветский настрой» и «следование гнилой буржуазной морали с ее глубоко чуждыми советскому человеку ценностями» превратили обычного паренька в ужасного маньяка. Сразу все узнают, что рок-музыка воспекает культ смерти и насилия, пропагандирует разврат и растлевает юношество. Жил себе хороший мальчик Кирилл Мостовой, учился, работал, служил в армии, такие перспективы имел, а увлекся проклятой музыкой – и все насмарку. Превратился в хищного зверя. Так что, дети, мотайте на ус – будете

слушать что не надо, тоже маньяками станете. И никого не остановит простое соображение, что на Западе живут миллионы людей, они постоянно подвергаются воздействию тлетворной массовой культуры, но маньяками становятся считанные единицы. Не в культуре тут, наверное, дело.

Причины превращения человека в серийного убийцу неизвестны, и нужно их серьезно изучать, потому что в практике становится все больше подобных случаев. Кого-то удастся вычислить, кого-то нет, но не с неба же эти выродки падают! Рождаются, как все люди, и живут среди людей... На гнилом Западе проблему уже признали и вовсю исследуют, а мы не такие. Мы будем вечно делать вид, что проблемы не существует.

Кстати, удивительно, что версию о серийном убийце в деле Мостового выдвинули сразу после второго эпизода. Обычно тянут до последнего, лишь бы не признавать существования маньяка. Советская власть уничтожила социальные предпосылки преступности, а тут вдруг человек убивает из любви к искусству! Вот ведь оказия, прямо скажем, не по-нашему.

Гнилая западная наука исследует, а наша объясняет. Коммунизм – хорошо, а капитализм – плохо, и любой свободный побег научной мысли тут же срезается ржавым секатором официальной идеологии.

Поэтому маньяк из андеграунда – это отлично. Это настолько прекрасно, насколько можно себе вообразить. Гораздо лучше, чем серийный убийца – матерый уголовник с десятью ходками за плечами. Подпольный рокер – это идеал, это одновременно причина, следствие и решение.

Ирина зябко повела плечами. Даже если Мостовой невиновен, вряд ли кто-то ей позволит вынести оправдательный приговор.

По черной лестнице Надежда Георгиевна спустилась во внутренний двор здания суда и огляделась, с удовольствием вдыхая особый свежий и влажный мартовский воздух. День сегодня выдался не по-ленинградски ясный, и она с удовольствием запрокинула голову, вглядываясь в чистое лазурное небо. Снег на крышах уже отсырел, начал таять, но снова схватился морозом, так что теперь флигель напротив оказался украшен целым каскадом сосулек, в которых рассыпались, искрясь, солнечные лучи. Под сосульками Надежда Георгиевна разглядела жестяную вывеску «Столовая», сильно поблекшую и тронутую ржавчиной по углам.

От неожиданно яркого ли дня, или от острого предчувствия весны, или просто от того, что она в час дня гуляет на улице, Надежда Георгиевна вдруг почувствовала себя девчонкой-прогульщицей и, заметив на дорожке к столовой длинный ледяной каточек, проехала по нему.

Первый день в качестве народного заседателя немного разочаровал. Во-первых, воображению Надежды Георгиевны почему-то представлялись мраморные статуи, барельефы, бархатные драпировки, может быть, даже развешанное по стенам старинное оружие, а оказалось обычное унылое «присутствие». Судья по гражданским делам, к которой прикрепили Надежду Георгиевну, разочаровала еще больше, оказавшись до боли похожей на Ларису Ильиничну. Только Ларису Ильиничну она могла поставить на место на правах руководителя, а тут на место ставили ее саму. Слушая дело о разводе, Надежда Георгиевна подумала, что этих запутавшихся в своих чувствах молодых людей еще можно примирить, и обратилась к ним с предложением вспомнить первые дни знакомства, когда они были очарованы друг другом. Судья довольно грубо ее одернула, перевела разговор на имущественные вопросы, а в перерыве сделала замечание, мол, тут судебный процесс, а не воспитательный, возникла некоторая натянутость, поэтому в обед Надежда Георгиевна не осталась пить чай в кабинете судьи вместе со второй заседательницей.

Она планировала дойти до кафетерия в конце квартала, но раз тут есть столовая, то вообще прекрасно!

Несмотря на обеденное время, в низком просторном зале было не много народу, некоторые столики оставались пустыми.

Неужели здесь настолько дурно готовят? – с улыбкой подумала Надежда Георгиевна, ставя пластмассовый поднос с отколотым уголком на дорожку из стальных труб, идущую вдоль всего прилавка.

Против ожиданий, горячие блюда выглядели вполне прилично и издавали приятный аромат. Не такой, чтобы прямо слюнки потекли, но для общепита просто божественный. Надежда Георгиевна улыбнулась раздатчице, попросила котлету с пюре, взяла с полочки капустный салатик и граненый стакан, наполненный жидкостью прекрасного нежно-розового цвета. Внизу плавала долька яблока и одна разбухшая изюмина. Захотелось еще булочку, уж больно они тут были хороши – свернутые в кокетливый завиток, щедро присыпанные белоснежной сахарной пудрой и так уютно пахнувшие свежей выпечкой, что даже настроение поднялось. Надежда Георгиевна протянула руку, но быстро отдернула: надо следить за фигурой.

Расплатившись, Надежда Георгиевна отошла с подносом от прилавка и замешкалась: пока она набирала еду, все пустые столики заняли, не такое уж непопулярное это место, оказывается. Жаль, ей так хотелось поест в одиночестве... Тут взгляд упал на сдвоенный стол, расположенный очень удачно, у окна, чуть поодаль от других столиков. За ним сидел только один человек – красивый мужчина интеллигентного вида, в хорошем костюме, примерно ее лет или чуть моложе. Кажется, она видела его сегодня в коридоре суда, значит, можно нарушить его уединение. Надежда Георгиевна подошла к самому дальнему от него месту и спросила, не занято ли. Мужчина улыбнулся, сделал приглашающий жест, а когда она садилась, привстал. Пожелав друг другу приятного аппетита, они молча стали есть.

– Разрешите? – Вновь подошедший оказался так не похож на соседа по столу, составлял с ним настолько явный контраст, что Надежда Георгиевна улыбнулась.

Это был неказистый мужичонка в очень старом и старомодном костюме, от которого не пахло нафталином по-настоящему, но казалось, что пахнет, и сразу воображение рисовало старый фибровый чемодан, пылящийся на антресолях, в котором костюм пробыл последние двадцать лет. Обшлага и воротник кремовой сорочки выглядели чистыми, но изрядно посеклись от времени, а безусловно новый галстук завязан чудовищно огромным узлом, и, наверное, от этого кадык на красной жилистой шее мужичка тоже казался неправдоподобно большим.

Мужичок выбрал место ближе к ней и сел. Улыбнулся, показав крепкие прокуренные зубы, и принялся за свой суп. Надежда Георгиевна обратила внимание на его руки – красные, узловатые, с намертво въевшейся грязью вокруг ногтей.

– А что ж вы первое не кушаете? – вдруг обратился к ней мужичок так дружелюбно и по-свойски, что Надежда Георгиевна не нашлась, как дать ему отпор. – Первое блюдо обязательно надо есть. Второе мне супруга обычно с собой дает, но без горячего супа обед разве обед?

– Не обед, – кисло согласилась Надежда Георгиевна.

– Вот! – Мужичок наставительно поднял красный заскорузлый палец. – На работе я только первое беру, ну а здесь уж шикаю. Все же суд! Супруга мне говорит: «Коля, это же суд, в некотором роде храм Фемиды, а тут ты со своими котлетами! Не позорься, возьми уж лишний полтинник на обеды!»

Второй сосед по столу не удержался, фыркнул, и мужичок тоже рассмеялся, отчего гусиные лапки в уголках глаз обозначились острыми лучами.

Надежда Георгиевна вежливо улыбнулась и опустила глаза, но собеседника это не обескуражило.

– А вы ж тоже заседатель? – продолжал он напористо.

– Да, тоже. Товарищ, у вас суп не остынет?

– Да не, я люблю, чтоб тепленький! Вот и мне коллектив доверил заседать в суде. Я сам-то не хотел...

– Отчего же? – спросил второй собеседник, улыбнувшись доброжелательно и чуть снисходительно, будто ребенку.

– Ну вот если бы вы меня попросили сложную деталь выточить, тут я бы взялся за дело со всем удовольствием, потому что учился и опыт имею. А суд я раньше только в кино видел, и вдруг мне говорят, что у меня равные права с народным судьей! Хорошее дело, где судья и где я!

– Участие народных заседателей, – сказал второй собеседник наставительно, – один из конституционных признаков советского судопроизводства, выражающий его подлинно демократический характер. А если по-простому, по-житейски, то для торжества правды необходим свежий взгляд неискушенного человека.

– Вроде как устами младенца глаголет истина?

– Именно.

– Ну ладно тогда, буду судить. Только лишь бы дело с высшей мерой не попало!

– Что ж так? Боитесь ответственности?

– Нет, ответственности я как раз никогда не боялся, просто я в принципе против смертной казни.

– Seriously? – не удержалась Надежда Георгиевна.

– Какие уж шутки! Нельзя у человека жизнь по закону отнимать!

– Даже если он сам отнимал? Даже если по его вине сотни людей погибли? Даже тогда? – спросила Надежда Георгиевна, не совсем понимая, зачем ввязывается в дискуссию с этим, как выразился бы муж, «гегемоном».

Второй сосед ничего не сказал, но с явным интересом ждал, что ответит мужичок.

– Даже тогда! Не люди жизнь дают, не им и отнимать!

– О! Не люди? А кто ж тогда? Бог?

– Ну почему сразу бог? Природа... Ну, короче, не в этом даже дело, – мужичок вдруг разгорячился. – Вот в войну расстреливали за дезертирство, так?

Второй сосед кивнул. Он уже доел свой обед, но вставать не торопился, наоборот, откинулся на спинку стула, сцепил руки в замок и слушал, куда дальше повернет беседа.

– Так вот, расстреливали, чтобы другим неповадно было! Но во время войны все меняется, люди на грани, а в мирное время и так понятно, что хорошо, а что плохо, без расстрелов. А получается, что мы убиваем человека, чтобы показать людям, что убивать нехорошо.

Надежда Георгиевна нахмурилась:

– Человека? Разве убийц можно назвать людьми? Это же выродки, звери!

– Не все, – мягко заметил второй сосед, – среди них есть просто запутавшиеся люди.

– Я понимаю и не предлагаю расстреливать всех подряд, боже сохрани! В каждом случае надо детально разбираться, но высшая мера наказания необходима, чтобы держать общество в узде! Вы говорите, все знают, что убивать нехорошо, однако ж находятся те, которые убивают.

Мужичок развел руками.

– Вот именно. Вы говорите, – Надежда Георгиевна кивнула второму соседу, – что среди них есть запутавшиеся люди, ну так такие один раз оступятся, а потом совесть их замучает так, что они сами с повинной придут. А у кого совести нет? Он перейдет рубеж и уже не остановится, если высшей меры наказания не будет. Какая разница ему, одно убийство или десять, все равно больше пятнадцати лет не дадут.

– Так и сейчас не останавливаются.

– Хорошо, товарищ, а о семьях жертв вы не думаете? Им какво знать, что убийца жив, здоров и прекрасно себя чувствует?

Мужичок покачал головой:

– Слушайте, я человек необразованный, можно сказать, даже неотесанный. Только я твердо уверен, что смертную казнь применять нельзя. Вот нельзя, и все. Пусть это заблуде-

ние мое, только переубедиться я не собираюсь ни при каких обстоятельствах. Вы можете, конечно, со мной поспорить, но я останусь при своем, время зря потратим, да и все.

Наташа выпила у судьи в кабинете чашку кофе, накинула куртку и спустилась во двор покурить. Несмотря на погожий день и бьющее в глаза сильное мартовское солнце, от которого, как утверждает папа, можно загореть лучше, чем на курорте, настроение у нее было нерадостное. Две недели провести в самых темных и грязных закоулках жизни, нюхать чужое нечистое белье... Спасибо тебе, Альберт Владимирович! Наташа постучала пачкой «Родопи» по ребру ладони, выбила сигаретку и, прикурив от последней спички в коробке, глубоко затянулась кисленьким дымом. Прищурившись, она подставила лицо солнечным лучам, чтобы хоть щеки немного подрумянились, и сквозь ресницы смотрела, как с ледяной бахромы сосулек, свисающей с крыши, падают сверкающие капли, чертя длинный пунктирный след в жемчужно-сером ноздреватом сугробе.

Судья, молодая, красивая и вежливая женщина, была одета как будто модно, но с той тоскливой советской элегантностью, которая словно превращает человека в гипсовый слепок самого себя. На ее фоне доисторические шмотки второго заседателя и то выглядели поживее, и вообще этот работяга понравился Наташе. Он с порога отрекомендовался дядей Колей, судья робел, обращался «товарищ судья Ирина Андреевна», ну а Наташу называл «дочкой». Сначала Наташа боялась, что он начнет проявлять излишнее рвение, но дядя Коля высказался только по одному вопросу – возмутился, почему женщины не идут обедать в столовую, а портят себе желудок сухомяткой.

Наташа нахмурилась и снова сделала глубокую затяжку. Не хотелось признаваться себе, но все же не в последнюю очередь настроение у нее испортилось из-за красоты судьи. Ирина Андреевна выглядит так, какой всю жизнь хотелось самой Наташе: у нее легкая стройная фигура с узкими бедрами, длинные ноги с лодыжками безупречной формы и прекрасные русые волосы с легким отливом рыжины. Они собраны в «улитку», но можно себе представить, каким водопадом упадут, когда Ирина вынет все шпильки из прически! На затылке и на висках выбилось несколько непокорных нежных завитков, все же женственность если есть, то ничем ты ее не придушишь. У судьи большие ласковые глаза, точеный носик, маленький нежный рот, а главное – аккуратный, но упрямый подбородок и высокие скулы. Красавица! Ах, если бы хоть что-то одно, лицо или фигура... Очень непросто провести две недели рядом с совершенством.

«Была бы я такой, – мрачно думала Наташа, – Глушченко наверняка в меня влюбился бы и сомневаться не стал! Даже не спросил бы, чья я дочка, академика или еще кого».

– Простите, у вас лишней сигаретки не найдется?

Очнувшись от раздумий, Наташа увидела рядом с собой корпулентную женщину в каракулевой шубке. Про таких говорят «дама».

Наташа протянула пачку, а когда дама зажала желтый фильтр между аккуратно накрашенных губ, тряхнула пустым коробком и протянула свою сигарету, от уголька которой дама, не чинясь, прикурила.

– Вы здесь работаете? – спросила Наташа вежливо и узнала, что дама – ее товарищ по несчастью, только заседает по гражданским делам, и тоже не очень довольна своей участью.

– Ну две недели быстро пролетят, – улынулась она, – оглянуться не успеем.

Дама кивнула и неумело вдохнула дым. Похоже, она не курильщица, а стрельнула сигарету, чтобы успокоиться. Что-то пришлось ей не по нраву...

– Вы меня извините, ради бога, что я вмешиваюсь, – вдруг сказала дама нервно, – но я значительно старше вас и имею право указать вам на некоторые промахи...

– Да неужели? – фыркнула Наташа, сразу пожалев, что поделилась сигаретой и огоньком.

– Да, имею, потому что говорю это только ради вашего же блага. Вы выглядите вызывающе, а если учесть, что мы находимся в суде, то и просто нелепо.

– Вызывающе что?

– Видите, я говорю вам это один на один, не для того, чтобы пристыдить вас, а только лишь с целью помочь вам выглядеть к месту и ко времени. Если бы у вас была испачкана юбка, правильнее же указать вам на это, а не смеяться за вашей спиной...

– Так что вызывающе-то? – перебила Наташа весело. – Зависть вызывающе?

– Это не шутки. Мы находимся в государственном учреждении, а на вас – американские джинсы! Разве это прилично?

– А разве нет?

– Разумеется, нет! Вы проявляете пренебрежение к советской власти и к советским законам, являясь на заседание в иностранной одежде, предназначенной для работы и для спортивных занятий!

Наташа засмеялась и внимательно посмотрела на даму.

– Абсолютно ничего смешного, – дама покачала головой, – мой долг был указать вам на неподобающий вид, а уж дальше вы сами думайте...

– Вот я и думаю, какая связь между штанами и патриотизмом.

– Что?

– Я просто надела красивые брюки, которые мне идут. Или вы считаете, чтобы любить родину, обязательно быть страшной, нищей и несчастной?

– Не доводите до абсурда, – фыркнула дама и глотнула дыма.

«С моей, между прочим, сигаретки!» – весело подумала Наташа и сказала:

– А вам уже официально сообщили, что ваше мнение – это истина в последней инстанции? Если нет, то лучше держать его при себе.

– Девушка, я просто хотела помочь, а вы хамите!

– Так и я хотела! Я сейчас сделала ровно то же самое, что и вы – дала совет, о котором меня никто не просил.

Не дожидаясь ответа, Наташа бросила окурков в урну и легко взбежала вверх по лестнице. Немножко грубовато она ответила, тем более что дама, по сути, кажется, права. Наташа привыкла на работе ходить в хирургической робе, белом халате и удобной обуви, вот и упустила из виду, что суд – официальное учреждение и выглядеть тут надо солидно и презентабельно. Даже дядя Коля, и тот принарядился, а она как деревня!

Наташа вошла в туалет и посмотрелась в поясное зеркало, висящее над умывальником на белой, почти до потолка облицованной кафелем стене.

Прикид, конечно, дай бог каждому: джинсы – настоящий Rifle, с лаконичной этикеткой и двойной строчкой, они так здорово подчеркивают фигуру! И пуловер из ангорки, купленный на чеки в магазине «Альбатрос», сидит просто отлично! Жаль только, что сама фигура далеко не такая остромодная, как надетые на ней шмотки. Наташа с детства занималась легкой атлетикой, поэтому всегда была стройной и подтянутой, но есть вещи, которые даются только от природы. Если у тебя широкий таз, то ты хоть сутки напролет бегай, питаясь одними помидорчиками и салатом красоты из сырого геркулеса, или даже на очковой диете сиди, ничего не поможет. Кость не худеет. Еще у Наташи очень тонкая талия, просто на редкость, казалось бы – достоинство, но что толку, если сейчас красивыми считаются только женщины с узкими бедрами?

Если ты не обладаешь легкой «мальчишечьей» фигуркой – все, свободна. На твое лицо никто даже не посмотрит. Хотя, может, и к лучшему... Наташа внимательно посмотрела в зеркало. Все же физиономия у нее очень далека от мировых стандартов: черты резкие, крупные. Художник, проиллюстрировавший все монографии отца и ставший другом семьи, восхищался Наташиной внешностью и утверждал, что она напоминает женщин с полотен Гогена. Комплимент, по мнению Наташи, довольно сомнительный – Гоген умер, а другого такого ценителя попробуй найди!

Раньше Наташа стриглась под Мирей Матье, и это ей шло, но вредный Глущенко заявил, что если она хочет работать хирургом, пусть или делает очень короткую стрижку, или носит косу, чтобы волосы не падали в рану. Наташа предпочла последний вариант, хотя все остальные женщины, врачи и операционные сестры, причесывались как хотели, и Альберт Владимирович не привязывался к ним.

Краситься он тоже запрещал, мол, «штукатурка» будет отваливаться с лица и тоже в рану падать. Наташа не стала возражать, что имеет доступ к нормальной косметике, которая ни от чего не отваливается и никуда не падает. В общем-то, у нее от природы в лице было довольно красок, она и раньше не злоупотребляла, а теперь вовсе отвыкла от макияжа.

Наташа сдвинула брови, выпятила нижнюю губу и сразу улыбнулась своему отражению. Все говорят, что у нее удивительная улыбка. Все, кроме Глущенко, естественно. Только когда улыбаешься специально, напоказ, то вид, наверное, со стороны очень глупый и напыщенный.

Эх, жизнь! До того как полюбить Альберта Владимировича, Наташа была полностью довольна миром и собой. Ей нравилось быть похожей на индианку, нравилось, что она любой поясok может застегнуть на последнюю дырочку, и еще спокойно пройдет кулак. Нравилось даже собственные жилистые, переразвитые от бега икры. Руки свои она тоже очень любила. А теперь только и делает, что ненавидит себя и сравнивает с другими женщинами. Вчера страдала, что не похожа на Джессику Ланж, сегодня вот судье завидует...

«Из-за этого гада Глуща меня вдруг на старости лет накрыл переходный возраст, – усмехнулась Наташа, – первой любовью, как и корью, надо переболеть в детстве, иначе – осложнения на мозг».

После суда она собиралась домой, но неожиданно для себя самой в последний момент перестроилась, на перекрестке повернула налево и поехала в академию. Наташа водила «единичку» приятного песочного цвета, подарок отца на двадцать один год. Она любила сидеть за рулем и, наверное, стала бы профессиональным шофером, если бы не пошла в медицинский.

К вечеру сильно похолодало, и то, что успело растопить яркое мартовское солнце, схватилось ледком, так что на повороте машину едва не повело. Наташа приказала себе быть внимательнее.

Заехав во внутренний двор клиники, она закрыла машину и быстро поднялась по лестнице, придумывая, зачем ей понадобилось вернуться на работу. Должна же быть какая-то причина!

Однако Ярыгин, мирно попивающий чаек сам-перст, ничего не спросил, а только обрадовался, вскочил, помог Наташе снять куртку и сразу налил ей кружку густого ароматного чая.

– Сахарку? – спросил он, ласково заглядывая в глаза.

Наташа отрицательно покачала головой и села в уголок за шкафом. Пить не хотелось, но смотреть, как от яркой, похожей на темный янтарь жидкости поднимается легкий пар, вдыхать чайный аромат и греть ладони о теплые бока кружки было очень приятно.

– Ну как тебе суд? Сильно устала?

Наташа улыбнулась. Ее всегда трогало проявление заботы, от кого бы оно ни исходило. Только она открыла рот, чтобы рассказать про дядю Колю и красивую судью, как дверь ординаторской распахнулась и вошел Глущенко. Сердце екнуло, так что пришлось отпустить кружку. Наташа скрестила руки на груди, чтобы не было заметно, как они дрожат.

Непонятно было, заметил ее Альберт Владимирович или нет, но он сразу обратился к Ярыгину:

– Ты как генсек у нас, что ли? Дневников на войне не вел?

Глущенко бросил на стол довольно увесистую пачку историй.

– Не понял...

– Саша, десять дневников всего с тебя родина требует, а ты написать не можешь!

– Завтра напишу за два дня.

- Отставить разговоры. Дневники – это святое, отдай и не грешь. Ручку в ручку, и вперед!
- А генсек-то при чем? – спросил Ярыгин, улыбаясь и без пререканий усаживаясь за письменный стол.

Ничего страшного не произошло бы, напиши он истории завтра, это Альберт Владимирович придирается. Хочет воспитать из Ярыгина такого же выдающегося хирурга, как сам, и действует по принципу: в большом деле нет мелочей. Ну-ну, флаг в руки!

Наташа ухмыльнулась. Ярыгин – хороший человек, добрый, отзывчивый, порядочный, но не орел. Недаром его вся академия называет Сашенькой, хотя ко всем остальным докторам принято обращаться по имени-отчеству. А может, она просто ревнует и завидует...

Вдруг Глущенко уставился на нее мрачно и внимательно.

- Так при чем генсек-то? – спросила Наташа неловко.
- Книги надо читать, – буркнул Глущенко, – «Малая земля».
- Господи, Альберт Владимирович, как она к вам в руки-то попала?

Глущенко вдруг почти по-человечески улыбнулся:

– Это дочка соседей по квартире, первоклассница, из школы пришла и с порога огоршила родителей. Нам, говорит, на уроке очень интересную книжку читали! Срочно купите мне, хочу знать, что будет дальше. Мама с папой, естественно, дочь немедленно прокляли, а мне стало любопытно, тем более что данный труд можно спокойно приобрести в книжном магазине, без давки и ажиотажа.

- И вы купили?
- Да.
- И что, понравилось?
- Так точно.

Наташа промолчала. Альберт Владимирович снова нахмурился и пристально смотрел на нее. Ярыгин вдохновенно строчил истории, а Наташа делала вид, что не обращает на Глущенко внимания. Она сидела, уставившись в свою кружку, чай в которой уже остыл и потускнел, потеряв свой яркий янтарный оттенок.

Тут в ординаторскую заглянула медсестра и сообщила, что в пятой палате умирает пациент. Видимо, это был ожидаемый исход, потому что сестра говорила совершенно спокойно, и Глущенко не подорвался спасать, а только развел руками.

- Ладно, – Ярыгин отложил историю болезни, – схожу.

Наташа осталась наедине с Глущенко впервые за долгое время. От волнения она испугалась, что покраснеет, и отвернулась.

- Слушай, это же ты на меня настучала? – вдруг спросил Альберт Владимирович.
- Что?
- Ты стукнула, что я православный и посещаю церковь?
- Нет. А вы посещаете?
- Не твое дело! Но если это ты, лучше признайся.
- Нет, Альберт Владимирович, это не я.

– А я думаю, ты решила мне отомстить, что я тебя не пускаю в операционную. Слушай, я тебя прощу, только скажи правду. Понимаешь, хирургия – это работа коллектива, и чтобы делать действительно хорошие вещи, а не просто аппендиксы выковыривать, люди должны доверять друг другу. Если мы хотим и дальше двигаться вперед, то нужно каждому верить, как самому себе. Когда же общаешься с коллегами и знаешь, что любой из них, даже самый близкий друг, может оказаться стукачом, ничего не выходит.

Глущенко прошелся по ординаторской и остановился у окна. Он отражался в темном стекле на фоне ночи – высокий, сухопарый, с длинным узким лицом.

Наташа понимала его чувства. Трудно жить, когда не знаешь, кому можно доверять, и еще труднее так работать.

– Ничего не выходит, – повторил Глущенко.

– Альберт Владимирович, это не я, честно!

– А если не ты, что ж глаза отводишь? – холодно бросил он.

– Ничего не отвожу.

– Я вижу. Просто если хоть маленько совести осталось у тебя, скажи правду, и забудем. Мы серьезное дело делаем, и будет очень обидно, если все пошатнется из-за капризов избалованной прошмандовки!

Лучше бы он ударил. Наташа встала. От отчаяния звенело в ушах и кружилась голова.

– Зачем мне трудиться и стучать на вас, когда я могу просто пожаловаться папе? – Наташа старалась, чтобы голос звучал холодно и язвительно, но получалось, кажется, не очень хорошо. – А моему отцу достаточно щелкнуть пальцами, и завтра вас здесь уже не будет. Мне кажется, Альберт Владимирович, вы прекрасно это понимаете и третируете меня не от жажды справедливости, а из зависти.

– Да неужели?

– Ну конечно! Вы завидуете, что мой отец – мировая величина, он одним словом может вас уничтожить, а вы способны только обзывать и пакостить по-мелкому.

Наташа ополоснула свою чашку в раковине, надела куртку и вышла, тихонько притворив дверь.

Пока спускалась к машине, в голове крутилась только одна мысль: «Зачем я поехала на работу?»

Наташа открывала машину, когда из дверей вдруг вылетел Глущенко, притормозил на секунду, осматриваясь, и быстрым шагом направился к ней. Он был в хирургических штанах и рубаше, только сверху накинул старый байковый халат – общую вещь, которой сотрудники пользовались, чтобы в холодное время перебежать из корпуса в корпус.

– Слушай, извини... – начал Альберт Владимирович, но Наташа перебила его:

– Не беспокойтесь, я не собираюсь жаловаться на вас отцу.

– Да при чем тут...

– При том, что не жаловалась и не буду. Вы напрасно подвергаете себя риску пневмонии, никакие репрессии вам не грозят, по крайней мере, с моей стороны.

– Наташа, подожди. Я просто хотел извиниться, что нехорошее слово сказал.

– Что думал, то и сказал, за что ж извиняться?

– Да не думал я! – Глущенко попинал носком туфли лежалый сугроб. – Я просто слова перепутал. Хотел сказать «свиристелка», а оно вырвалось. Ты, Наташа, мне не нравишься, но только как человек. Как, по-другому-то я о тебе вообще не думаю, вот эти все дела, что я оговорился, клянусь – ни разу мысли не было ни одной нечистой в твой адрес.

– Спасибо, Альберт Владимирович. Теперь я могу ехать?

– А как человек, – повторил Глущенко, – ты мне совсем не нравишься. Можешь так своему папе и передать.

Наташа засмеялась и села в машину, чувствуя, что может и расплакаться. Она завела мотор, но Альберт Владимирович все не уходил, стоял рядом, легонько попиная сугроб.

– Что? – Наташа опустила боковое стекло.

– Ничего, – сказал Глущенко мрачно и вернулся в клинику.

Наташа ехала грустная. Она не сердилась на Глущенко за то, что он обозвался нехорошим словом, потому что вполне поверила его объяснениям. Когда работаешь по пятнадцать часов в сутки, и не такие слова можно перепутать! Но она представляла, каково сейчас Альберту Владимировичу, что он чувствует, и расстраивалась, что ничем не может ему помочь.

О «стукачестве» она знала не понаслышке. Наташа училась в школе с «преподаванием ряда предметов на английском языке», в которой хороших, благонадежных учеников периодически предъявляли иностранным делегациям, показать, в каком достатке растут советские

дети, какие они все умненькие и верят в коммунизм. Попасть на такую встречу считалось удачей – так здорово было хоть на секунду прикоснуться к другой жизни, воочию увидеть то, что большинству советских людей доступно только через телевизор. А главное, там иногда можно было получить подарок: ручку, значок, блокнотик или другую подобную мелочь, обладание которой существенно повышало престиж советского ребенка. Наташе эта «раздача слонов» всегда казалась немножко унижительной, но у нее все это и так было благодаря папе, а другим детям повезло меньше. Но в жизни часто так бывает – то, что не нужно, достается тебе без всякого труда. Наташа была умненькая, воспитанная, вежливая девочка с прекрасным знанием языка, поэтому ее всегда выбирали представлять советских детей перед иностранцами. После одной такой встречи в Доме дружбы Наташу вызвали к «английскому» завучу. Учительница с торжественным видом сказала, что до администрации дошли сведения о неподобающем поведении ученицы Попович. Якобы она в беседе с иностранцами говорила гадости о школе, учителях и жизни в СССР в целом. Наташа честно задумалась, припоминая разговор – что именно из ее слов можно было истолковать так превратно. Нет, все прошло как обычно, по стандарту. Нейтральный разговор о красоте Ленинграда, о достопримечательностях, которые нужно обязательно посмотреть, вот и все. Наташа была совершенно довольна жизнью, ну а если бы и нет, то иностранцам она бы точно жаловаться не стала! Нет, тут даже недоразумения никакого не могло быть! Поджав губы с очень мудрым видом, завуч сказала, что они, конечно, не станут применять мер к такой хорошей ученице на основании одного-единственного сигнала, но пусть это послужит Наташе уроком. Нужно быть очень осторожной в своих суждениях. Наташа тогда попросила сказать, кто именно про нее такое сообщил. Может быть, если они все вместе соберутся и поговорят, инцидент будет исчерпан. Может, человек действительно ошибся, например, принял за нее кого-то другого, или услышал не так, все же разговор шел на английском языке. Завуч с учительницей переглянулись с таким видом, будто Наташа сошла с ума и они ей очень сочувствуют.

– Иди, девочка, – сказала завуч мягко, – просто сделай выводы и не болтай лишнего.

Наташа до сих пор помнила чувство безнадежной тоски, охватившее ее тогда. Она не боялась, что донос навредит ей, не подумала, что больше ее не станут брать на встречи или не примут в комсомол, нет, дело было совсем в другом. Страшно было понять, что кто-то, кто давал списать или сам скатывал домашнее задание, кто вместе с ней слушал про чувство локтя, про «сам погибай, а товарища выручай», кто-то из тех, кого она считала другом, оговорил ее ради каких-то несчастных ручек и значков. И совсем ужасна оказалась мысль, что этот человек сейчас улыбается ей как ни в чем не бывало. Наташа тогда едва не заболела. К счастью, инстинкт самосохранения подсказал ей, что не надо всех подозревать и вычислять гада, так действительно можно свихнуться или растерять настоящих друзей.

Так не хотелось верить, что ни с кем нельзя быть искренней и говорить что думаешь! Казалось немного диким, что черное нельзя назвать черным, пока не узнаешь, какого цвета оно считается официально. Иностранцы, конечно, другое дело, им жаловаться – это все равно что жаловаться на собственную мать чужой тете, но в кругу друзей-то или в коллективе – почему нет?

Отец тогда рассказал ей о культе личности Сталина, о том, сколько хороших и честных людей было брошено в лагеря и расстреляно по ложным доносам. Сам отец не пострадал только потому, что началась Великая Отечественная война и он сразу ушел на фронт.

Наташа слушала, и сердце замирало – неужели так могло быть? Вдруг папа ошибается, ведь в школе они ничего этого не проходили... Разве могут люди быть такими чудовищами, как Сталин?

«Не в Сталине дело, доченька, – сказал папа, грустно улыбаясь, – нельзя все зло человеческой природы запихнуть в одного человека, не стоит и пытаться. Это в каждом из нас сидит, а не в Сталине. Все очень просто: когда в человеке уничтожается хозяин, остается доносчик.

Холопская психология, куда ты денешься. Когда идея разбогатеть от своих трудов выкорчевывается полностью и благосостояние начинает зависеть только от царской милости, тут возникает очень большой соблазн отпихнуть от корыта того, кто пристроился там раньше тебя. Ну очень большой соблазн!»

«А почему сейчас не так? Люди становятся лучше?» – спросила Наташа, и отец рассмеялся.

«Потому что машина репрессий стала слишком опасна и начала сама себя кушать. Сегодня ты настучал, а завтра на тебя, и ничего ты не сделаешь уже. Нет такого механизма, чтобы ты мог строчить доносы, а на тебя – нет. Если бы его придумали, то все бы продолжалось. А так снизили степень риска, теперь лишают только должностей и привилегий, а жизнь и свободу не трогают, но принцип остался тот же. Знай свое место у корыта и чавкай потише».

Отец не был диссидентом и не пользовался своим положением лучшего хирурга страны, чтобы отпускать какие-нибудь шуточки про советскую власть, но зато и льстивых речей никогда не произносил. Он – великий врач, и на этом точка. Тот разговор был, пожалуй, единственным, который у них состоялся на политической почве. Папа сказал, что если чего-то в жизни добьешься, то тебе обязательно будут завидовать, а значит, и пакостить, но единственный способ держаться – это оставаться самим собой, думать и поступать по совести, только при этом совершенно не обязательно бегать и кричать на всех углах о своей ненависти к советской власти.

В общем, Наташа понимала чувства Альберта Владимировича, и очень грустно было от того, что она не может его утешить. Может, надо было соврать, что это она стукнула про церковь? Глушенко бы сразу полегчало... Он сейчас внедряет новую операцию, очень тонкую, тут необходима слаженная работа всей бригады. Хирург с ассистентом должны чувствовать друг друга так, будто они один человек с четырьмя руками, и анестезиолог тоже должен понимать ход событий. Моральная низость, конечно, не сказывается на профессионализме, но все равно тяжело подозревать своего ассистента, тем более когда точно никогда не узнаешь, стучит он на тебя или нет. Может, у тебя родится какая-нибудь мысль по улучшению работы, а ты побоишься ее высказать, потому что стукач все переиначит, и тебя обвинят черт знает в чем. Или еще проще: во время операции хирург испытывает колоссальное психологическое напряжение, поэтому ему необходимо сосредоточиться исключительно на операционном поле. Все остальное он может себе позволять – ругаться матом, петь, все что угодно. Бывают, конечно, и типичные, рутинные операции, а бывают моменты, когда сердце выскакивает от напряжения, все это знают, и сестра никогда не обидится и не упрекнет оператора, когда он в критическую минуту обложит ее в три этажа за то, что подала не тот инструмент. Сестра не обидится, а стукач донесет.

За грустными мыслями Наташа не заметила, как доехала до дома. Поставив машину во дворе, она еще минуту медлила выходить, так силен был соблазн развернуться.

Вдруг нужно сейчас приехать к Альберту Владимировичу и все рассказать, чтобы он понял, что может доверять Наташе, как самому себе? Когда появляется хоть один человек, которому можешь открыться, жизнь становится намного лучше...

Наташа вздохнула и решительно вышла из машины. Никогда ты не убедишь человека доверять и любить, если он того не хочет.

Хороший день перешел в хороший вечер. Забрав Егорку из сада, Ирина вдруг обратила внимание, что сумерки еще не совсем ступились и морозец хоть и крепкий, но не такой стылый, как зимой.

Быстро поужинав, они взяли санки и отправились в сквер. Сначала Ирина бежала во весь дух, катя Егора на санях, потом поменялись. Она осторожно села на дощечку, а сын, хохоча,

пытался сдвинуть ее с места. Она пыталась отталкиваться ногами, чтобы Егору казалось, будто он везет мать, но в какой-то момент координация подвела, и Ирина повалилась в снег.

Вскочила, отряхнулась, и они побежали к «горке» – невысокому холмику в центре сквера. На плоской вершине установлен памятник героям революции, но это никого не смущало – в равнинном Ленинграде любая возвышенность на вес золота, и зимой тут кучкуются дети со всего района. Егор скатывался на санках, а Ирина несколько раз съехала с ледяной дорожки. Сначала на корточках, а потом осмелела и скатилась стоя, «на ногах». Мальчишки постарше разбегались, набирали ускорение и потом катились далеко-далеко, до самой кромки аккуратных кустов, которыми был обсажен сквер. Егор тоже захотел съехать «как большой», Ирина разрешила и страховала, готовая кинуться наперерез любому, кто захочет скатиться, пока ребенок не закончил свой полный опасный спуск. К счастью, обошлось, и, когда сын поднялся наверх, Ирина вдруг неожиданно для себя самой разбежалась и понеслась вниз по склону, выставив одну ногу вперед и балансируя раскинутыми руками.

И тут радость вдруг покинула ее. Ирина вспомнила, что одна, и никто не встретит у подножья горки с распахнутыми объятиями.

Она остановилась. Все должно быть не так! Разве может одинокая мать быть счастливой?

Привычное отчаяние уже готово было затопить сердце, но тут Ирина увидела, как Егорка несется к ней со всех ног и от избытка чувств кричит «бразды пушистые вздымая!». Ирина поймала его, прижала к себе крепко-крепко и закрутила, счастливая от того, что сын еще маленький и легкий и она пока может его поднять.

По дороге домой они зашли в булочную, работающую до восьми, и купили огромный рогалик, блестящий сдобным коричневым боком и обсыпанный сахарной пудрой, не удержались, сразу отломали по горбушке, так что у Ирины в руках осталась только середина рогалика. Заглянули в окно детского сада, расположенного на первом этаже соседнего дома. Егорка ходил в другой сад, а здесь разглядывал шкаф с игрушками. Это был ритуал.

Егор начал клевать носом, как только вошел в дом. Он быстро разделся, почистил зубки и все это время так сладко зевал, что Ирина тоже страшно захотела спать. Раз уж такое дело, она решила лечь пораньше и хоть раз в жизни проснуться выспавшейся и бодрой.

Как хорошо, что я взрослая и никто меня не заставит встать и чистить зубы, подумала она на границе сна и яви, и последней ускользающей мыслью пронеслось в голове, что сегодня первый вечер за очень долгое время, когда ей не хотелось выпить вина.

Ирине начало сниться что-то хорошее, радостное и такое понятное, как никогда не бывает наяву, но тут раздался телефонный звонок. Она вскочила с колотящимся сердцем – ночной звонок всегда к беде. Тряхнув головой, Ирина взглянула на часы. Всего половина десятого, еще приличное время, просто она рано легла.

– Алло, Ириша?

Услышав в трубке голос Валерия, Ирина окончательно расхотела спать.

– Что случилось?

– Можно я заеду?

Ирина пошатнулась, трубка едва не выпала у нее из рук. Неужели...

Сказав любовнику, что ждет, она заметалась по квартире. Так оно в жизни и бывает, счастье приходит так же внезапно, как и горе. Сегодня она еще отчаявшаяся разведенка, а завтра проснется почти замужней женщиной. Зато жена Валерия... А ну ее! С самого первого дня, как они с Валерием стали вместе, Ирина решила не сочувствовать этой женщине и вообще не принимать ее в расчет. Все эти штучки типа «на чужом горе своего счастья не построишь», это чушь, придуманная счастливыми и сытыми, чтобы уберечь свой мирок, который еще неизвестно как им достался. Всегда кто-то страдает, всегда. Если есть победитель, то есть и проигравший, а закон сохранения материи так ясно говорит: если где-то что-то прибыло, то где-то что-то убыло. Никогда не бывает так, чтобы ты взял свое и при этом ничего ни у кого не отнял.

Была бы хорошей женой, муж бы не искал любви на стороне, так что сама виновата.

Правда, Ирина была хорошей женой, а муж все же ушел, ну так его и мужем-то назвать можно было только из вежливости. Просто большой ребенок, решивший поиграть в жениха и невесту.

– Вот, кстати, от меня муж ушел, и я ничего, выжила. И ты выживешь, – сказала Ирина вслух. – Где написано, что от меня уходить можно, а от тебя нельзя? Я имею право на счастье не меньше, чем ты. И совесть мою ты не потревожишь!

Она лихорадочно заметалась по квартире. Обжитое, уютное жилье вдруг показалось ей тесным и вроде как недостойным Валерия. Квартирка действительно была маленькая, спроектированная с расчетом на минимальные потребности человека в пространстве. Кухня, как говорится, «узковата в бедрах», потолок на голове, зато две комнаты, и отдельные, а не смежные. Это жилье досталось Ирине от бабушки. Она часто бывала тут маленькой, а в детстве все кажется большим, так Ирина и выросла с пониманием, что квартирка очень даже просторная, а сейчас вдруг сообразила, как тесно Валерий чувствует себя в этой клетухе. Ну ничего, потерпят. Валерий – благородный человек и должен уйти от жены с зубной щеткой и сменой белья, все остальное оставить ей, это даже не обсуждается. Делить квартиру они точно не будут, но он разведется, женится на Ирине, пропишется, она быстро родит второго ребенка, и им дадут жилье попросторнее. «А если не дадут, можно и третьего, – нервно засмеялась Ирина, – я люблю детей».

Она быстро застелила постель и переоделась. Все домашние вещи показались ей недостаточно хороши, и Ирина выбрала нарядное летнее платье. Волосы оставила распущенными, зная, что Валерию так нравится.

От волнения Ирина не могла сосредоточиться, руки дрожали, сердце билось как сумасшедшее, а в голову лезли обрывочные, лихорадочные мысли о том, что у нее тут слишком простенько для такого человека, как Валерий. Поженившись, они с мужем сами поклеили обои, но на этом все. Ни финского унитаза тебе, ни кафеля. Сантехника сияет чистотой, это да, но она самого что ни на есть отечественного производства, и кухня тоже... Во многих интеллигентных домах люди облагородили свои кухни, сделав из них что-то вроде столовых, оклеили специальными обоями и поставили гарнитуры из дерева со встроенной мойкой, так что любо-дорого посмотреть, а у нее до сих пор белая плитка, жестяная эмалированная раковина и белые пластиковые шкафчики с алюминиевыми полосками вместо ручек. Пусть все чистое, без единого пятнышка, но уныло, тоскливо, неуютно. И на подоконнике у нее не красивые цветы, а пошлый лук прорастает в майонезных банках – витамины для Егора. Вдруг Валерию станет грустно, когда он поймет, что теперь эта кухня – его?

Ирина зачем-то протерла стол, заглянула в холодильник, в мыльницу на мойке – нет ли где грязи?

И с мебелью у нее тоже не все благополучно. Только кровать хорошая, современная, купленная мужем, а все остальное от бабушки: старинный шкаф с резьбой и горка для посуды. К счастью, она сразу сообразила, что ребенку нужна своя мебель, и записалась в очередь на детский диван, как только Егор родился. Они с мужем ходили отмечаться по ночам, следили, когда диваны подвозили и выставляли в торговый зал: тогда обладатели первых номеров вбегали и садились на диванчики, а тетя-активистка ходила между ними с тетрадкой и присваивала очередникам новые номера. Система была довольно сложная, Ирина так до конца в ней и не разобралась, ответственным за диван был муж, и, к счастью, очередь подошла до того, как они развелись, иначе Ирина диван упустила бы, и черт знает, на чем бы Егорке пришлось спать.

Опыт с диваном напугал Ирину, поэтому она медлила записываться в очередь на «стенку», хотя необходимость такой покупки давно назрела. Но бегать по ночам, караулить в мебельном, заглядывать в глаза тете-активистке... Нет, лучше она со старым шкафом пожи-

вет! Она-то да, а Валерий? Ох, надо было подсутиться вовремя и подготовиться к совместной жизни!

Ирина заглянула в свою комнату, пригладила покрывало на кровати и вышла в коридор. Шубка Егора на детской вешалочке, а вот свое пальто Ирина легкомысленно повесила за петельку! Хорошо, что заметила и успеет исправить до прихода Валерия, чтобы ему с порога не бросилась в глаза ее неаккуратность! Ирина расправила пальто на плечиках и удовлетворенно вздохнула. Так, обувь на галошнице, сумка тоже. Выключатели чистые. А кормить? Господи, чем же она будет кормить Валерия?

Ирина метнулась в кухню, распахнула холодильник. Майонез и горошек стоят в углу, ждут дня рождения Егора. Сметаны еще четверть банки и творог – она завтра на ужин сырники сделать собиралась. Ладно, сделает сегодня. Пошарив в ледяной норке морозильника, Ирина извлекла на свет божий курицу. Утром проснется пораньше и приготовит. Можно еще тесто поставить, чтобы утром Валерия разбудил чудесный аромат свежее испеченных блинов. Таких блинов, как у нее, больше нигде нельзя поесть, только дрожжи еще неплохо бы найти... Ага, вот они, примерзли к потолку морозилки. Ирина взяла нож и попыталась отколоть серый брусочек, но тут раздался звонок в дверь.

Она побежала открывать...

Надежда Георгиевна готовила обед на завтра. Бросив мясо на раскаленную сковородку, она принялась натирать морковь. Терка была острая, опасная, а Надежде Георгиевне непременно хотелось использовать каждую морковину до конца, чтобы не переводить напрасно хорошие продукты. Но как ни была она внимательна, все равно стесала ноготь. Настроение, и без того не радужное, совсем испортилось: редко так бывало, чтобы Надежде Георгиевне удавалось отрастить все ногти одинаковой длины и сделать приличный маникюр, а вчера все получилось. Но из-за проклятого жареного мяса наслаждаться красивыми руками пришлось недолго. К счастью, хоть в морковку ноготь не упал, и на том спасибо.

Надежда Георгиевна сбегала в ванную, предполагая, что не найдет там своих маникюрных ножниц, и предвкушая, что сделает с Анькой, если предположение подтвердится. Но набор, как ни странно, лежал на месте.

Даже с одним коротким ноготком руки уже имели совсем другой вид, но грустить по красоте было некогда: мясо, кажется, стало подгорать. Надежда Георгиевна вернулась в кухню и быстро помешала содержимое сковородки, добавила морковку и помешала еще раз.

Тут в кухню вошла дочь. Будто не замечая матери, она включила газ под чайником и достала из буфета свою кружку. Надежда Георгиевна вскипела:

– Куда ты лезешь? Не видишь, я готовлю?

– Мама, я просто чаю себе хотела налить, – сказала дочь сонным голосом.

– Просто чаю? Ты не видишь, что мешаешь мне? Мне, может, нужен чайник, чтобы мясо залить!

– Ну так он сейчас закипит как раз.

Дочь раздражала всем – ленью, отстраненностью от семьи, увлеченностью разной низкопробной литературой и музыкой, в общем, многим. Но хуже всего была ее невозмутимость.

– Вот ты когда начнешь что-то для семьи делать, тогда и будешь пить чай сколько пожелаешь! А пока ты ни черта не помогаешь, то не путайся под ногами хотя бы!

– Ладно, не буду.

Дочь хотела уйти, но Надежда Георгиевна преградила ей путь.

– Ты не видишь, мать пришла усталая, дух не перевела, и сразу в кухню, готовить! Для вас, не для себя! Другая бы отложила своего Ремарка вонючего, пришла, спросила бы: «Мамочка, милая, чем тебе помочь?», подключилась бы к работе, а ты сидишь! Книжечки почитываешь, ноготочки полируешь! И плевать тебе, что мать убивается!

Аня пожалала плечами:

– Мама, ну так ты скажи, что сделать, и я сделаю.

– Да что ты сделаешь! Тебя попросишь картошки почистить, так ты половину с кожурой срезаешь!

– Вот именно, мама. Вообще-то я в магазин хожу и подметаю, а когда ты дома, так действительно стараюсь лишний раз тебе на глаза не попадаться. Не делаешь – ты ругаешься, и делаешь – тоже ругаешься. Так лучше уж я книжку почитаю.

Надежда Георгиевна сцепила ладони, чтобы не отвесить дочери оплеуху. Хладнокровие Ани ранило ее в самое сердце, потому что если бы дочь хоть немного любила мать, давно бы уже устыдилась, расплакалась, просила прощения и умоляла дать ей хоть что-нибудь сделать, хоть мусор вынести. А она стоит и рассуждает, что ей лучше! Бессердечная, равнодушная дрянь!

– Я не люблю, когда помощь выходит боком! – выкрикнула Надежда Георгиевна. – Когда за тобой, здоровой кобылой, все переделывать приходится! Взрослая девка, а ни картошку почистить, ни белье отжать как следует не можешь! В кого ты такая только уродилась! Вот Яшенька не боится почему-то матери помогать...

Аня фыркнула.

– Нечего тут хихикать!

Надежда Георгиевна спохватилась, налила воды в сковороду с мясом, закрыла крышкой и уменьшила огонь.

– Между прочим, надо кипящую воду подливать, – сказала Аня, – так полагается. А картошка стоит десять копеек килограмм, если я лишние сто граммов и срежу, то это одна копейка всего. Пусть мы по килограмму каждый день съедаем, получается тридцать копеек в месяц. Не те деньги, чтобы из-за них мотать нервы родной дочери.

– Какие у тебя нервы, если ты мать убиваешь и ухом не ведешь! И неважно, что тридцать копеек, ты их заработай сначала, а потом будешь рассуждать, те это деньги или не те! А то ишь какая! Ни черта не делает, на родителей плевать, зато куча претензий, джинсы ей, видите ли, не покупают!

– Но у нас в классе уже у всех есть, одна я хожу как оборванка!

– А ты следи за своими вещами! Если приложить усилия, в любой одежде можно выглядеть аккуратно и симпатично.

– Даже в ваших с бабушкой обносках? – рассмеялась дочь.

– Даже в них! Все равно они лучше, чем то, что в магазинах продается.

– Ну твои костюмы тоже в магазинах не продаются, однако ж ты их не у бабушки взяла.

– Ты не равняй! Я директор школы и должна выглядеть соответственно.

– А я ученица школы и тоже должна выглядеть соответственно.

– Форма у тебя есть, вот и выгляди! Воротнички подшивай нормально, а то когда грязный воротничок, тут уж никто ни на что другое не посмотрит. Я тебя обеспечиваю одеждой, чтобы от холода защититься и срам прикрыть, а дальше уже твое дело. Воротнички чистые, юбка отглажена, чулки целые и в гармошку не собираются – вот и все, что нужно. Сразу ясно, что ты приличная девушка и следишь за собой. А кто обращает внимание, во что человек одет, кому важны все эти джинсы, кроссовки, прочее фирменное тряпье, это просто мещане, ограниченные люди.

– Ну, значит, у нас в классе все мещане.

– Наверняка есть хорошие девочки, просто ты сама своим гнилым нутром тянешься в плохую компанию! Ради одобрения каких-то идиотов готова матери всю душу вымотать! Мне вот даже в голову не приходило у своей матери что-то требовать, а мы жили тяжело, очень бедно жили. Один раз по карточкам получили для меня мальчуковые ботиночки, так я счастлива была!

– Так, мама, тогда эти ботиночки были все равно что сейчас джинсы, – засмеялась Аня.

– Ничего не все равно!

- Ну ладно.
- Стой! Ты куда это собралась?
- К себе в комнату.
- Просто так уйдешь? Даже прощения у матери не попросишь?
- За что?
- За то, что ты лентяйка!

Аня снова засмеялась, и Надежда Георгиевна со злостью посмотрела на ямочки у нее на щеках. От бабушки достались.

– Мама, если я попрошу прощения за то, что лентяйка, и ты меня простишь, то это будет значить, что ты разрешаешь мне лениться сколько я захочу. Так что это не в твоих интересах.

– Ты вообще в своем уме? – закричала Надежда Георгиевна. – Мать тебе делает замечание, а ты философствуешь! Бреешь в логике выискиваешь, вместо того чтобы извиниться, осознать свое поведение и попытаться исправиться!

– Ладно. Хочешь, я посуду помою?

– Да уж помой, будь любезна!

Аня быстро собрала грязную посуду в раковину.

– Мам, а можно же было просто меня попросить, без скандала.

– Ты сама должна знать!

Надежда Георгиевна вышла из кухни, хлопнув дверью. Злость на дочь не утихала, наоборот, мать чувствовала себя почему-то проигравшей стороной. Муж сегодня допоздна на кафедральном совещании, сын гуляет с товарищами, что ж, имеет право, второй курс, а бабушка в санатории. Делать нечего, сиди, отдыхай, смотри телевизор. Или можно принять ванну с пеной.

Вместо этого Надежда Георгиевна стала ходить взад-вперед по комнате. Нет, какво! Ни раскаяния, ни сожаления. Ни слезинки не уронила, хотя и видела, как расстроила мать. Еще и поучает так снисходительно: ах, надо было попросить! С какой это радости мать должна родную дочь просить?

Надежда Георгиевна в бешенстве ворвалась в кухню. Аня стояла у раковины, терла тарелку и напевала что-то веселенькое. Надежда Георгиевна сунула руку под струю воды – так и есть, недостаточно горячая. Бережет ручки, дрянь! Она выхватила тарелку из сушилки и сунула ее Ане под нос:

- Кто так моет? Весь жир оставлен!
- Да нормально я помыла!
- Это ты называешь нормально? А ну-ка все переделывай!

Убедившись, что в раковине пусто, Надежда Георгиевна, отстранив Аню, поставила туда всю посуду с сушилки.

– Знаешь, мама, я сделала, как умею. Если тебя не устраивает, мой сама. Кстати, я твой бефстроганов выключила, а то он бы сгорел.

– Я сказала – перемой!

– А я сказала – нет.

Теперь уже Аня ушла, хлопнув дверью. Даже два раза – в кухне и в комнате.

Надежда Георгиевна глубоко вздохнула, чувствуя, что злость начинает отпускать. Дочь провинилась по-настоящему, значит, будет просить прощения. Пока она этого не сделает, никто в семье с ней разговаривать не станет. Шутка ли – нахамила матери, не подчинилась родительскому указанию!

Надежда Георгиевна взялась за посуду в раковине: на самом деле Анька помыла ее вполне удовлетворительно, поэтому она просто споласкивала и ставила обратно на сушилку.

Когда выключила воду, услышала, что дочь завела на своем магнитофоне какую-то отвратительную музыку. Хриплые голоса, непонятно, то ли поют, то ли блюют, примитивный ритм,

вместо мелодии черт знает что... Может, из-за этого Аня стала такая черствая и равнодушная? Из-за книг этих низкопробных? Мийка приучил, а родители сидели ушами хлопали. Хотя в Аньке и самой с детства что-то такое было...

Вспомнился давний эпизод. Они вышли на Светлановскую площадь. Ане тогда было лет шесть, одной рукой она крепко держалась за руку матери, а другой прижимала к себе пластмассового кота в сапогах, которого Надежда Георгиевна только что ей купила. От избытка чувств девочка подскакивала на каждом шагу, вертела головой и читала вслух все вывески, в том числе транспаранты, установленные на крышах двух симметричных домов: «Народ и партия едины!» и «Планы партии – планы народа!». Вдруг дочь притихла и задумалась. Надежда Георгиевна не придавала этому значения, решив, что Аня общается с котом в сапогах, но минут через десять дочь потянула ее за руку и спросила, является ли народ рабом партии.

Мать остановилась как вкопанная. «Ну если планы партии – планы народа, то он не может ничего сам для себя придумать и должен все делать, что ему говорят?» – сказала Аня задумчиво. Надежда Георгиевна усомнилась, разумно ли было научить своих детей читать в четыре года, и посулила черта людям, которые придумывают столь невнятные лозунги. «Ты же прочитала, что народ и партия едины, – сказала она мягко, – значит, планы народа становятся планами партии». Надежда Георгиевна понадеялась, что разговор окончен, но малышка заявила: «Тогда бы так и написали: планы народа – планы партии! И вообще, тогда зачем разделять, если народ и партия – это одно и то же».

«Господи, шесть лет человеку!» Надежда Георгиевна и сама не знала, радоваться ли, что у нее такая умненькая дочь с критическим складом мышления. Присев перед Аней на корточки и поправив ей бантик, мать сказала, что партия – это лучшая часть народа, самые умные и хорошие люди, поэтому партия является руководящей и направляющей силой советского общества. «Значит, если я не самая умная и не самая хорошая, то я уже не могу сама ничего решать? – спросила Аня грустно. – Вот ты говоришь, что Анжелка лучше меня, так она будет мне указывать, что делать?» Надежда Георгиевна посоветовала дочери работать над собой, становиться лучше, и тогда она окажется в числе тех, кто руководит, но Аню это не вдохновило. «Ну я такая, Анжелка другая. Она послушная, а я зато умею читать, а Витька бежит быстрее всех и делает „солнышко“ на турнике. Как понять, кто из нас лучше?» – спросила она. «Ну смотри, – мягко сказала Надежда Георгиевна, чувствуя, что обязана объяснить дочери этот момент, – ты же любишь свою маму и считаешь ее самой лучшей, я надеюсь? И ты понимаешь, что ее надо слушаться, даже если иногда и не хочется, потому что мама заботится о тебе и всей душой желает себе счастья. Так и партия, это все равно что мама». Дочь насупилась, сдвинула бровки, как всегда делала, решая какую-то сложную задачу, и сказала: «Но у меня есть мама, зачем мне еще одна? И потом, я маленькая, а народ-то все взрослые, а ты говоришь, что взрослые сами лучше знают». На этом аргументе мать сдалась. Она расцеловала свою не по годам развитую дочку и сказала, что это действительно сложно понять в шесть лет, но скоро Аня пойдет в школу, ее примут сначала в октябрята, потом в пионеры, потом в комсомол, она окажется в коллективе, и все это станет для нее очевидным и родным.

Только вот похоже, что не стало...

Надежда Георгиевна вздохнула. Вдруг так ясно вспомнилось чувство счастья от маленькой детской ладошки в своей руке, почти как реальный увиделся кот в сапогах, жуткое существо из оранжевой пластмассы в пупырышек, голубое небо, солнце, брызжущее во все стороны сильными майскими лучами и бликующее золотом в вымытых окнах. Как она тогда была полна спокойной молодой радостью, и куда все делось теперь...

Она остановилась под дверью. «Выключи свою музыку и приди ко мне, – прошептала Надежда Георгиевна, – приди, попроси прощения, и обнимемся, поплачем вместе. Попьем чаю вдвоем, пока никого нет. Ты только приди с повинной, потому что я же мать и не могу сделать первый шаг».

Но музыка стала только громче.

...Надежда Георгиевна посмотрела на свои руки. Все обрезать или оставить так? Самое обидное, что лак нигде не облупился, держится, будто она его только нанесла. Господи, а Анька-то права! Десять копеек картошка, пятнадцать – морковка. Ну не дотерла бы она этот несчастный корнеплод на десять процентов, полторы копейки выкинула в мусор! Это с килограмма, а с порции жареного мяса, наверное, одна десятая копейки. Стоило мучиться, ей-богу! Это хорошо еще, что ноготь, а можно было и кусок пальца срезать, терка острая.

По логике так, но это уже в самой сердцевине характера – экономить до последнего, даже если в этом нет острой необходимости. За двадцать лет жизни в семье родителей мужа Надежда Георгиевна так и не смогла перенять их расточительное отношение к еде.

Анька – уже другое поколение, они знают, что такое «дефицит», но настоящей нужды не испытали. Всегда ели досыта, вот и подавай им теперь импортные шмотки и прочее такое.

Дети – жестокие существа, потому что у них очень мощный инстинкт выживания и стремление к успеху, поэтому они и тянутся к одноклассникам, по которым видно, что у их семей есть доступ к материальным благам. Подсознательно хочется войти в круг избранных, потому что там – возможности.

В школе обязательна форма, казалось бы, все должны выглядеть одинаково, чтобы не вызывать зависти или, если угодно, классового чувства. Только что делать, если кто-то покупает школьное платье в магазине, и оно сидит как на корове седло, а кого-то родители ведут в ателье или к портнихе? Или фартуки. Ясно, что с крылышками гораздо женственнее, но попробуй найди! Ближайшее место – в Прибалтике, там фартуки не только с крылышками, но и из легкого материала, вроде тюля, даже есть с пелеринками, как у настоящих гимназисток. Если родителям удалось такой достать для своей дочки – все, она королева. А обувь и сумки? По ним сразу ясно, кто откуда.

Да что там обувь, если даже по пионерскому галстуку видно, из какой ты семьи. Либо на тебе кирпично-рыжая тряпица, посеченная, с моментально обтрепавшимися углами, купленная в канцелярском магазине за пятьдесят пять копеек, или роскошный платок насыщенного малинового цвета. Последний привозят из ГДР, и попробуй возмутись. Сразу тебе скажут, что галстук носится из солидарности с пионерами братской социалистической Германии.

Аня учится в английской школе, и такой блатной, что дальше ехать некуда. Если бы Надежда Георгиевна не была директором физико-математической школы, дочь давно уже бы выжили, несмотря на прекрасную успеваемость, а так терпят. Конечно, девочке нелегко среди детей элиты, но надо не у родителей требовать подарки, а брать ситуацию в свои руки и добиваться уважения отличной учебой и общественной работой. А то взяла моду, чуть что не по ней, сразу упрекать за «обноски»! Да, приходится хитрить-мудрить, переделывать свои старые вещи и обноски свекрови, но другого выхода нет. В магазинах вообще ничего не купишь, да и семья большая, на двух работающих трое иждивенцев, всех надо прокормить, и на машину хочется скопить, в конце-то концов!

Надежда Георгиевна была ребенком войны. Мама родила ее в сорок пять лет, после того, как отец приходил на побывку с фронта. Вскоре он был убит, так же как и двое Надиных старших братьев.

Отец выстроил большой просторный дом, который после войны стал слишком пустым для вдовы и маленькой девочки, был огород, мама держала корову и кур, так что они не голодали, но привычка беречь каждый кусочек еды была у мамы с юности и передалась дочери. По хозяйству приходилось трудиться много, но Надя никогда не воспринимала это как повинность, наоборот, делала все ловко и с удовольствием, старалась побольше всего успеть, чтобы мама пришла с работы и могла спокойно отдыхать.

«Вот бы Аньку сейчас туда! – злорадно подумала Надежда Георгиевна. – В пять утра растолкать, платок на голову, подойник в руки – и вперед, в хлев! А потом вилы – на, кидай

сено! И так до ночи успевай крутиться. А вот тебе задачка на сообразительность: как ты чай попьешь, когда печка не топится?»

Крестьянский труд не был Наде в тягость, не мешал учебе, которая давалась с восхитительной легкостью. Смешно сказать, но она ни разу не получила ни одной четверки. Просто не знала, что это такое, поэтому после восьмилетки стала ездить в райцентр в девятый класс, а не пошла в училище, как все подружки. Надя боялась, что в чужой школе «скатится на троечки», но ничего такого не произошло. Через два года она получила золотую медаль и поехала поступать в Ленинград.

Анька, дурочка, рассуждает про подавление личности, про свободу и всякое такое, а в лоб ведь не влетит, где бы она была, если бы не советская власть! Скорее всего, вообще не родилась бы, потому что Надя умерла бы от голода еще в младенчестве. Кто бы помог бедной немолодой вдове при капитализме? Ну а если бы Надя каким-то чудом выжила, то получить высшее образование во втором университете страны ей бы точно никто не дал, несмотря на все способности. Максимум на акушерку бы выучилась и сидела бы в глухомани. А вернее всего, просто батрачила бы и замуж вышла за такого же бедняка, как сама.

Когда ты сам встал на ноги, то ты и благодаришь власть за то, что имеешь, а если все на золотом блюдечке подносят, тут-то и начинаются капризы. Аня росла, как в оранжерее, не говоря уже о Мийке. Тот вообще ни в чем не знал отказа, вот и результат.

Наверное, в каждой большой семье существует некий родственник с большой буквы «Р», человек, столь сильно преуспевший, что ему не докучают мелкими повседневными просьбами, а берегут на самый крайний случай, как спасательный круг. Был такой родственник и в семье мужа Надежды Георгиевны. Не совсем даже родственник, но близкий человек: пережитые вместе трудные времена связывают сильнее кровных уз.

Больше всей родни со стороны мужа Надежда Георгиевна любила его тетку. Нина Михайловна сохранила стройную и подтянутую фигуру, коротко стриглась, одевалась сдержанно, но с отменным вкусом подбирала украшения, недорогие, но очень интересные, и всегда была при легком макияже и с еле уловимым ароматом духов. Она преподавала вокал в консерватории, и хоть сама никогда не была известной певицей, но, видимо, обладала незаурядным педагогическим талантом, потому что воспитала целую плеяду выдающихся исполнителей. Благодарные ученики присылали своей наставнице билеты и контрамарки, так что дети Надежды Георгиевны в полной мере насладились классическим искусством.

Вот странность, одни родители, одна семья, одно воспитание, но Яша ходил на спектакли с удовольствием, а Анька воспринимала их как повинность. Бесполезно было объяснять, что другие дети могут только мечтать попасть на «Щелкунчика» или «Спящую красавицу», что Ане повезло увидеть настоящее искусство... Волшебство Кировского театра не трогало ее, девочка сидела со скучающим видом, а когда дома спрашивали, что понравилось больше всего, отвечала: «Когда музыканты настраивались».

Зато теперь слушает какое-то говно, за уши не оттащишь! Действительно, музыканты в театре лучше настраивались.

Надежда Георгиевна нахмурилась. Неужели она упустила дочь еще до школы? Нет, нет, Аня была нормальной девочкой, пока не подружилась с Михаилом Шевелевым, то есть с Мийкой!

У Нины Михайловны была близкая подруга Ариадна Ивановна, удивительно элегантная дама. Встретив ее в прошлом году у тетки мужа, Надежда Георгиевна впервые в жизни сообщила, что после шестидесяти лет совсем не обязательно превращаться в старую развалину.

Ариадна Ивановна работала аккомпаниатором у Нины Михайловны, но дружба этих женщин зародилась гораздо раньше, в годы войны. Отец Нины служил ведущим инженером на подмосковном авиационном заводе, и когда было принято решение об эвакуации в Куйбышев,

Нина привезла отцу десятилетнего сына Ариадны, чтобы тот взял его с собой. Это решение спасло мальчику жизнь – в блокадном Ленинграде болезненный ребенок не выжил бы.

Нина и Ариадна прошли всю войну во фронтовой концертной бригаде, обе получили похоронки на любимых мужей и потом всю жизнь старались держаться вместе. Выходило это у них как-то очень тонко и элегантно: обобществляя многие вещи, они умели не заступать границы, где начиналось личное.

Иногда Нина Михайловна брала Яшу с Аней на дачу к Ариадне, провести выходные на свежем воздухе. Как-то Надежда Георгиевна сказала, что выросла в деревне и все умеет, поэтому хотела бы тоже поехать. Пока дамы и дети отдыхают, она делает всю черную работу по даче. Нина Михайловна поморщилась: «Дорогая, это не совсем удобно. Мы с детьми – гости, а гости не приглашают своих гостей». Сначала Надежда Георгиевна обиделась, а потом поняла, что не права.

Сын Ариадны Ивановны, Паша, а вернее сказать, Павел Дмитриевич Шевелев, как раз и вырос в такого родственника, на которого уповаet вся семья. Начав карьеру по комсомольской линии, он стремительно рос, потом перешел в московский партийный аппарат, а одиннадцать лет назад вернулся в родной город вторым секретарем обкома КПСС, и Нина Михайловна по секрету (тьфу-тьфу, чтобы не сглазить) предрекала ему хорошие шансы вскоре стать первым секретарем.

Надежда Георгиевна чаще видела его в газетах и по телевизору, чем воочию. Первый раз они встретились на похоронах отца мужа. Тогда она была еще новобрачная, с только-только завязавшимся под сердцем Яшей, и Павел Дмитриевич был совсем молодой мужчина – высокий, широкоплечий, красивый той особой тяжеловесной мужской красотой, которая скорее обескураживает, чем привлекает женщин. От него веяло спокойствием и уверенностью, что показалось Наде немного неуместным на похоронах. Шевелев подошел к семье, обнял вдову и произнес казенные слова казенным голосом, но, странное дело, всем стало чуть полегче. Он извинился, что без жены (Зоиньке не с кем оставить Димку), побыл немного на поминках и уехал. Потом Надежда Георгиевна видела его на юбилее Нины Михайловны и снова на похоронах. Сначала Зои Федоровны, потом Мийки. Теперь уже ей пришлось искать слова, от которых Павлу Дмитриевичу могло бы стать полегче.

Надежда Георгиевна никогда не набивалась Шевелеву в друзья и не хотела ни о чем его просить, но тем не менее оказалась у него в долгу. Когда-то Павел Дмитриевич устроил, чтобы мужа после окончания академии оставили на кафедре, а не отправили служить в «страну летающих собак» или еще куда подальше. С этой инициативой выступила свекровь, которая после смерти мужа чувствовала себя совсем беспомощной, целыми днями держала сына за руку и причитала: «Я тебя никуда от себя не отпущу», а остальное время капала на мозги Нине Михайловне, чтобы та все устроила через влиятельного сына подруги.

Шевелев тогда еще был молодым функционером, не имел такого веса, как сейчас, но он любил свою маму и как-то сумел устроить совершенно фантастическую вещь – чтобы лейтенанта Красина сразу после академии оставили в адъюнктуре на кафедре гигиены.

В общем-то, Надежда Георгиевна не знала, радоваться или огорчаться. Она, новоиспеченная жена офицера, настроилась ехать за мужем в какую угодно тмутаракань и быть там верной боевой подругой, ну и заодно сеять разумное в головы местным детям. Наде хотелось приключений. Трудности не пугали: слава богу, она выросла в деревне, в суровом климате, и знает, с чем придется столкнуться и как с этим справляться. Может быть, первое время у них не будет даже своей комнаты, просто угол в какой-нибудь избе. Но они молодые, сильные, со всем справятся! Воображение Нади рисовало разные картинки: занесенные снегом бревенчатые дома, мерцающий огонек в маленьком окошке, вечерний лай собак, тоскливый вой ветра в трубе.

Вот она делает уроки с местными ребятами, вот помогает новеньким обжиться... Слава богу, она прекрасно знает, как стирать зимой и как готовить в русской печи.

Что ж, преодолевать трудности не пришлось, зато муж написал докторскую, и через два месяца у него защита. Если все пройдет удачно, то получит ученую степень доктора наук, потом профессора и заменит старого начальника кафедры, который уже на ладан дышит.

Второй раз Шевелев помог незадолго до смерти Миши, но это было не просто благодеяние. А потом и Надежда Георгиевна пригодилась всемогущему партийному бонзе...

У Нины Михайловны не было своих детей, поэтому она воспринимала Яшу с Аней как родных внуков и с удовольствием ими занималась в свободное время. Ариадна Ивановна была дама самостоятельная, жила отдельно от сына и не сильно вникала в его жизнь, но внуков привечала, и те тоже любили свою веселую шептунную бабу и готовы были навещать ее хоть каждый день. Поэтому вышла такая изящная синусоида: старшее поколение – не разлей вода, среднее едва знакомо, а младшее – опять приятели, хотя настоящей дружбы не сложилось. Дима был уже взрослый юноша, Яша влился в дачную компанию ребятшек и гонял с ними целыми днями, а Мийка почему-то избегал обычных мальчишеских развлечений. Он был тихий парнишка и на все предложения растормошить его отвечал, что занимается музыкой и не может рисковать переломом руки.

Зато он с удовольствием возился с маленькой Анькой.

Надежда Георгиевна то ли с досадой, то ли с раскаянием подумала, что грамотность дочери в четыре года – заслуга больше Мийки, чем родной матери. Он терпеливо сидел с ней, показывал буквы в азбуке, и результат не заставил себя ждать. Бабушки умилялись, глядя на эту идиллическую картинку, и причитали, что Мийке надо было родиться девочкой, а когда Аня подросла, с таким же умилением стали называть паренька ее поклонником и кавалером, так что с первого класса девочка не сомневалась, с кем свяжет свою судьбу.

Надежда Георгиевна смеялась, а в глубине души нет-нет да и вскидывалось архаичное стремление мамы устроить дочери выгодный брак. А вдруг? Конечно, жизнь учит, что друзья детства редко становятся счастливыми мужем и женой, но бывают исключения.

Дети виделись обычно у бабушек или на семейных праздниках. Павел Дмитриевич с супругой были слишком высокопоставленными людьми, чтобы посещать родственные сборища, но Ариадна Ивановна с удовольствием приходила и внуков прихватывала. Удивительно, насколько разными получились братья: Дима высокий, сильный, веселый, с такими же красивыми, чуть тяжеловатыми чертами лица, как у отца, но ясные, искрящиеся радостью глаза сообщали ему удивительное обаяние. Надежда Георгиевна ни у кого раньше не видела такого цвета глаз – бледно-бледно-серые, как мартовский лед, с темным ободком вокруг радужки. Кажется, такие глаза бывают у волков. Мийка вышел совсем другим – тоненький, хрупкий, маленького роста, с очень белой кожей и волосами цвета воронова крыла, он походил на белоснежку из диснеевского мультфильма. Он тоже был красив, как и брат, но его прелесть больше пошла бы девушке, чем молодому человеку.

Как-то Надежда Георгиевна повела Аню в Кировский театр на дневной спектакль по очередной контрамарке, и в антракте выяснилось, что Мийка с матерью тоже пришли. Зоя Федоровна потрясла Надежду Георгиевну тем, что была в настоящем концертном платье. Или балетном, или вечернем, бедная Надежда просто не знала, как его правильно назвать. Нарядная одежда – да, сколько угодно, но так, чтобы человек накрутил на себя двадцать метров шелка, гору бархата и кое-где еще наткал перьев, чтобы пойти в зрительный зал, а не на сцену, – такого она просто не могла себе вообразить. Подол до земли, так что видны только носочки туфель – разве может так ходить обычная женщина? Жена Павла Дмитриевича была дама внушительных пропорций и напоминала празднично убранную осадную башню, рядом с ней бедный Мийка казался совсем крошечным. Столкнувшись в фойе, дамы вежливо кивнули друг другу и хотели разойтись, но Мийка с Аней кинулись друг другу в объятия и не расставались

до конца антракта, а потом упростили поменяться местами, так, чтобы они могли сидеть вместе. Так Надежда Георгиевна первый и единственный раз в жизни побывала в «Царской ложе».

Пришлось вести с Зоей Федоровной светскую беседу, та поддерживала разговор с убийственной снисходительностью, так что Надежда Георгиевна чувствовала себя девкой-чернавкой, поэтому когда после спектакля Шевелева предложила их подвезти, отказалась, наверное, слишком эмоционально.

Зоя Федоровна окатила ее ледяным взглядом, процедила: «Как угодно» и, подобрав свои юбки, скрылась в автомобиле, а Мийка с Аней долго не могли оторваться друг от друга.

После театра дети стали часами болтать по телефону, а потом и устраивать встречи. Теперь, если мать вела дочь в музей или в парк, там очень часто оказывался Мийка, который был достаточно взрослый, чтобы ездить по городу самостоятельно. Деликатный юноша четырнадцати лет от роду сказал, что родителям будет спокойнее, если он с Аней не станет встречаться наедине. Он понимает, что дружба взрослого парня с девятилетней девочкой со стороны выглядит странно, но что поделать, если Аня умная и тонкая натура и с ней ему интереснее, чем с подавляющим большинством людей. По-прежнему Надежда Георгиевна таскалась с ними кем-то вроде дуэньи, а в плохую погоду ребята проводили время у Ани дома.

Надежда Георгиевна привязалась к Мийке за то, что избавил ее от многих материнских тревог, да и просто парнишка нравился ей – добрый, приветливый, он совершенно не унаследовал высокомерия своей мамы.

Когда Надежда Георгиевна вспоминала Зою Федоровну во всем праздничном убранстве, ее холодный взгляд, она старалась не завидовать, но все же не могла понять, почему этой бабе досталось все, почему она может с презрением смотреть на женщин, которые ничем ее не хуже и явно сделали для общества больше, чем она. Да, удачно вышла замуж, но ее муж не сделал важного научного открытия, не создал великого произведения искусства, он даже не рискнул всем своим состоянием ради выгодной биржевой спекуляции, как пишут в романах про капиталистов. Нет, он просто указывает людям, как надо жить и как надо думать.

Тут Надежда Георгиевна понимала, что подобные размышления могут завести ее на очень скользкий путь, и убеждала себя, что Зоя просто противная тетка, недаром Ариадна Ивановна один раз, будучи в легком подпитии, сказала про нее: «Она такая замороженная, потому что стержня нет. Не дай бог, растает, как Снегурочка, такой вонючей лужей растечется...»

Дружба четырнадцатилетнего парня и девятилетней девочки немного пугала, но Аня действительно была слишком умная для своего возраста. Она прочла все книги в доме и рассуждала о них, как взрослый человек, а не как второклашка. Слава богу, в семье не водилось такой литературы, которая могла бы повредить детскому уму. Никакого Мопассана, Золя и прочих «натуралистов». Но Жюль Верн, Диккенс, Шарлотта Бронте, Марк Твен, Гоголь, Дюма – все это было прочитано и теперь с упоением обсуждалось дочерью и ее великовозрастным другом. Правда, Анька не любила стихи, а Мийка их обожал и, кажется, даже сам пописывал.

В общем, Надежда Георгиевна с удовольствием принимала парнишку у себя в гостях.

Потом вдруг, как гром среди ясного неба, пришла весть о смерти Зои Федоровны. Надежда с трудом могла поверить, что эта молодая, полная сил женщина, к чьим услугам были лучшие врачи, вдруг умерла от инфаркта. Жена Шевелева нисколько не походила на сердечницу.

Надежде Георгиевне стало стыдно за свои завистливые мысли, за то, что она, пусть даже подсознательно, желала Зое нехорошего. Но, простите, «вот клюнет тебя в жопу жареный петух», и «ничего, придется и на твою долю говна пожрать» – это совсем не означает «умри от инфаркта в сорок четыре года».

Чтобы избавиться от чувства вины, она стала особенно ласкова к Мийке, сама просила Аню позвать его в гости и утешала, призвав на помощь весь свой немалый опыт общения с подростками.

Павел Дмитриевич горевал недолго. Меньше чем через год он женился на совсем молодой женщине, так что ж, он и сам не старый. Вот если бы Шевелев развелся с первой супругой – тут да, на карьере был бы поставлен большой и жирный крест, а смерть – это прилично. Это допускается. Конечно, для полного соблюдения принципов коммунистической морали новая избранница могла быть и постарше, ну да ладно уж, простим.

Карьера Шевелева не пострадала, зато дома все разладилось. Димка ушел, порвав с отцом всякую связь. Что ж, он был уже взрослый, окончил арктический факультет «Макаровки» и мог жить самостоятельно. Ариадна Ивановна рассказывала, что он некоторое время прогостил у товарища, а потом сумел поступить в Антарктическую экспедицию.

Дима всегда мечтал о путешествиях и, наверное, отправился бы в Антарктиду и без ссоры с отцом, но все же его отъезд стал для семьи настоящей пощечиной.

Прошло совсем немного времени, и в один прекрасный день Надежда Георгиевна обнаружила у себя дома Мийку с небольшим рюкзаком. Аня умоляла разрешить ему остаться пожить.

Надежда Георгиевна так и села, будучи абсолютно не готовой к подобному повороту. Наконец, прорвавшись сквозь Анькино «ну, мамочка, ну пожалуйста, ну пожалуйста-пожалуйста-пожалуйста!», удалось выяснить, что Мийка насмерть поссорился с отцом. Причину он назвать отказался, да Надежда Георгиевна и не настаивала: что там может быть, кроме подростковых фанаберий?

Решения, принятые на пике гнева, редко бывают разумными, поэтому стоило переночевать ночь, прежде чем пускаться во все тяжкие, но разве человек в шестнадцать лет способен на такое хладнокровие? Конечно же, нет, Мийка побросал в рюкзак несколько пар сменного белья и отбыл к бабушке, а вслед за ним помчался Шевелев, у которого, видно, долго сдерживаемая боль от потери жены и от ухода старшего сына наконец вырвалась наружу.

Бабушка только усадила внука пить чай и достала из шкафа комплект постельного белья, как к ней ворвался разгневанный Павел Дмитриевич и потребовал ребенка обратно. Ариадна Ивановна пыталась всех успокоить, но только подливала масла в огонь. «Если он сейчас же не поедет домой, ты можешь его у себя прописать!» – орал отец в ответ на ее предложения сегодня разойтись, остыть, а завтра поговорить на свежую голову.

Ариадна Ивановна была женщина добрая, но она любила сына и очень не хотела, чтобы Павел рассорился и со вторым ребенком. В общем, она выдала Мийку отцу, что, естественно, было расценено подростком как предательство.

Мийку отвезли домой, где он переночевал в гробовом молчании, а утром, отправляясь в свое музыкальное училище, не забыл прихватить рюкзак, который с вечера не разбирал, и после занятий сразу поехал к своему единственному другу – Аньке.

Надежда Георгиевна подавила первый и естественный порыв хорошенько наподдать дочери за то, что осмеливается обращаться с подобными просьбами. Заставив себя улыбнуться, она налила Мийке чаю и забрала дочь в свою комнату для серьезного разговора. Она объяснила, что даже если бы вдруг и сошла с ума и оставила у себя чужого ребенка при живом отце, то его элементарно негде разместить. Аня уже большая девочка и не может жить в одной комнате с посторонним юношей, это неприлично. И не надо забывать, что вместе с ней в комнате живет старший брат, который не дружит с Мийкой и не обязан ради него терпеть дополнительные неудобства. Анька закричала, что это дело жизни и смерти, что Мийка погибнет, если вернется домой, и если нельзя выделить ему уголок в детской комнате, то она готова переехать к бабушке, и тогда Яша даже не заметит, что теперь на кровати спит Мийка, а не сестра. «Но бабушка привыкла жить одна в комнате и не захочет потесниться ради чужого мальчика», – возражала Надежда Георгиевна. «А когда к вам с папой гости приезжают, мы же теснимся!» – запальчиво кричала дочь, и мать, уже теряя спокойствие, сказала, что это совершенно другое. «Значит, ради какого-то незнакомого дядьки я могу у бабушки жить, а ради Мийки – нет?»

Действительно, Надежда Георгиевна была радушной хозяйкой и с удовольствием приглашала иногородних друзей и родственников воспользоваться преимуществами трехкомнатной «сталинки». Если гость был мужчина, то Аня шла ночевать к бабушке, если женщина – то Яша отправлялся к родителям. Ну а если целая семья, то страдали оба ребенка.

Гостеприимство было в порядке вещей, поэтому Аня и впала в заблуждение, что Мийку приютят без лишних разговоров.

Надежда Георгиевна сочувствовала парнишке, который действительно оказался в непростом положении. Может быть, отец с молодой женой действительно глубоко его оскорбили, и ему на самом деле лучше было бы жить отдельно, и существовало много способов ему в этом помочь. Мийка учился в музыкальном училище, и достаточно было бы одного звонка Нины Михайловны кому-нибудь из своих именитых учеников, чтобы его перевели в такое же училище, только в другой город, и даже без потери курса. В свою очередь, Надежда Георгиевна, тогда уже директор школы, могла бы поговорить с нужными людьми, чтобы ускорить оформление документов и гарантированно найти парню место в общежитии. Да, можно было постараться, но Надежда Георгиевна испугалась. Если Шевелев чуть не прибил собственную мать за попытку пригреть блудного сына, то церемониться с посторонней теткой он явно не станет. С волчьим билетом вышвырнет ее с поста директора школы, Анька с Яшей никогда не увидят диплома о высшем образовании, а муж... У военных своя иерархия, но Павел Дмитриевич и здесь найдет способ отомстить. Скажет – вы разрушили мою семью, а я уничтожу вашу. Какую-то секунду Надежда Георгиевна колебалась, но тут пришла спасительная мысль, что если она приютит Мийку, тем самым покажет дурной пример своим собственным детям, даст понять, что идти против родителей и жаловаться на них чужим людям допустимо и как бы это сказать... результативно? эффективно? В общем, дети должны знать, что родители – это самое главное, и бунтовать против них бесполезно, ибо в этой борьбе они союзников не обретут.

То есть как бы не из страха, а из принципа...

Надежда приободрилась, одернула рыдающую Аню, сказала, что с подобными просьбами надо обращаться заранее, а не ставить мать перед фактом. Вот если бы дочь подошла к ней раньше, до того, как обещала своему приятелю гостеприимство, и вежливо просила бы, а не требовала совершенно недопустимым тоном, тогда бы мать еще, может быть, подумала бы, а так, разумеется, никакого Мийки, пока Аня не научится себя вести.

Потом она отправила дочь в свою комнату, закрыла дверь поплотнее, чтобы не слышать истерики, и вернулась в кухню беседовать с парнишкой. Она говорила, что никто не будет любить его так, как отец. Что папа – живой человек и взрослый мужчина, и если женился, это совсем не значит, что он предал память матери. Просто в его возрасте очень тяжело одному, донимают мысли об одинокой старости, Мийке просто еще не понять, насколько это страшные мысли и на какие поступки они способны толкнуть человека. Да, старший брат взбрыкнул и ушел, но очень скоро он поймет свою ошибку и вернется. «Не вернется, – перебил ее Мийка и как-то совсем безнадежно покачал головой, – он точно не вернется. Вы бы мне поверили, если бы знали все». Но Надежда Георгиевна не хотела знать все. Она говорила, что сын должен уважать отца, и в том числе его выбор спутницы жизни, и тоже приложить усилия, чтобы найти с ней общий язык, а не только она обязана перед ним заискивать. Семья есть семья, родственные узы – самые крепкие, нельзя вот так вот просто их рубить.

Если бы отец не любил своего сына, разве он помчался бы за ним к бабушке? Конечно же, нет, он был бы только рад, что ребенок не путается под ногами и не мешает наслаждаться обществом молодой жены. Но Мийка нужен Павлу Дмитриевичу дома, значит, все в порядке, а мелкие шероховатости со временем сгладятся. Отец – хороший и добрый человек и не мог выбрать в жены злую женщину, а недоразумения всегда поначалу неизбежны. Когда сын или дочь приводят в семью супруга, старшее поколение такие скандалы закатывает, что просто ужас, однако же никто никуда не убегает. Живут как-то, притираются друг к другу.

А кроме того, сказала Надежда Георгиевна, надо и о своем будущем подумать. Неразумно отказываться от судьбы успешного музыканта только ради того, чтобы причинить боль своему родителю, потому что, как это ни прискорбно признавать, в нынешнее время талант не так важен, как связи. Готов ли Миша всю жизнь преподавать музыку в каком-нибудь поселке городского типа, одинокий и всеми забытый, или все же предпочтет карьеру успешного музыканта и мир в семье?

Когда Надежда Георгиевна поняла, что парень склоняется в пользу поселка, пришлось сменить тактику. Она напомнила, что папа уже довольно пожилой, а молодая жена – дело ненадежное. Очень может так случиться, что у Павла Дмитриевича не останется никого, кроме младшего сына. Миша уже потерял мать, знает, как это больно, но он был рядом с ней и ничем не огорчал. А если сейчас он уйдет от отца, то потом, когда ничего уже нельзя будет исправить, чувство вины станет преследовать и мучить сына до конца его дней. Впервые за весь разговор поймав какой-то проблеск интереса на понурой Мийкиной физиономии, Надежда Георгиевна поднажала. Она рассказала, как уехала поступать в институт от своей старенькой мамы и как до сих пор корит себя за это. Мама умерла, когда Надя училась на третьем курсе, и как знать, сколько бы еще прожила, осталась дочка дома, с нею. Тут Надежда Георгиевна расплакалась, не специально, а совершенно искренне, обняла Мийку и призналась, что хоть мама сама заставила дочку-медалистку ехать в Ленинград, все равно она до сих пор просыпается иногда ночью от острого чувства вины.

Кажется, эти слезы решили дело. Мийка встал, надел свой рюкзачок, а Надежда Георгиевна вытерла глаза и потянулась за плащом. Сказала, что проводит ребенка и проследит, чтобы отец его не ругал. Она действительно тогда повидалась с Павлом Дмитриевичем, но слова застряли в горле. Ей показалось, что если она начнет указывать отцу, как обращаться с сыном, то только хуже его разозлит.

Шевелев хмуро посмотрел, буркнул, что он у нее теперь в долгу. «У вас, Наденька, сын в следующем году поступает? Напомните мне ближе к делу».

Что ж, Павел Дмитриевич действительно устроил Яшу в медицинский.

Только Мийка сильно изменился с тех пор, как вернулся домой. Он стал мрачный, увлекся какой-то чертовщиной, отпустил длинные волосы и из всей одежды предпочитал черные водолазки и штаны.

Он принадлежал к той злополучной категории людей, которые, не обладая ярко выраженным талантом в какой-то одной области, способны ко всему и интересуются всем. Мийка был хороший пианист, неплохо рисовал, тонко чувствовал литературу, но поскольку уделял внимание и музыке, и изобразительному искусству, и художественному слову, не достиг высот ни в одной из этих областей. Он прилично окончил музыкальное училище и поступил в консерваторию, но учился средне. Связался с какими-то подпольными музыкантами, которые сами сочиняли песни весьма сомнительного содержания и исполняли их в компании таких же непризнанных гениев. К сожалению, новые знакомства не заставили Мийку забыть об Ане. Он все так же часто приходил в гости и хоть вел себя так, что у Надежды Георгиевны не возникло ни малейших оснований бояться за честь дочери, все равно она больше не одобряла эти визиты. Мийка приохотил Аню к Булгакову, они оба как сбрендили на «Мастере и Маргарите», чуть ли не наизусть учили. Аня даже целый альбом изрисовала иллюстрациями к этой книге и занималась этим так тщательно и увлеченно, как не делала ничего другого. Надежда Георгиевна кисло улыбалась – да, талантливая книга, но с ума-то сходить зачем? Ей хотелось вернуть те времена, когда дочка зачитывалась «Детьми капитана Гранта» и ее приводили в восторг параллели с меридианами, а не дьявольские штучки.

Мийка ухитрился привить дочери вкус к музыке и к поэзии, только не к нормальной, а к тому мусору, которым увлекался сам. Надежда Георгиевна провела с ним жесткую беседу – сам пусть занимается чем хочет, но упаси бог его впутать Аню в свои делишки!

Он обещал и действительно не брал девочку в свою сомнительную компанию, зато подарил ей кассетный магнитофон.

Аня говорила, что ему плохо живется с отцом и мачехой, но Надежда Георгиевна отмахивалась – сами разберутся. Она бы очень хотела запретить дочери общаться с Мийкой, но какой-то инстинкт не позволял. Она только старалась объяснить, где настоящее искусство, а где вредная подделка, но куда там!

Вообще удивительное дело: учителя, родители, вожатые, бабушки и дедушки, правильные книги, телевизионные передачи стараются, объясняют, что такое хорошо и что такое плохо, и все без толку. Но стоит какому-нибудь маргинальному Мийке мимоходом вякнуть какую-нибудь чушь – все! Принято к сведению и исполнено.

Иногда Надежда Георгиевна смотрела на этого патлатого тощего парня и вспоминала, каким он был прелестным ребенком, и хотелось встряхнуть его, вернуть к нормальной жизни. Порой ей казалось, будто Мийка хочет ей довериться, ждет материнской ласки, но Надежда Георгиевна инстинктивно сторонилась этого.

Потом он все же ушел из дому, поселился у своего приятеля-музыканта, бросил консерваторию и наконец оставил Аньку в покое. А в сентябре вдруг позвонила Ариадна и сообщила, что Миша умер от острой сердечной недостаточности.

Аня плакала так, что Надежда Георгиевна заподозрила неладное. Дочь не виделась со своим приятелем почти год, должна бы уж и забыть... Но что толку спрашивать, правды все равно не скажет.

На похоронах народу было удивительно мало. Семья, несколько школьных товарищей и Надежда Георгиевна с детьми. Консерваторию Мийка бросил, а нынешним его друзьям Павел Дмитриевич запретил прощаться со своим младшим сыном.

Шевелев стоял под руку с женой, Димка, старший, демонстративно держался вдалеке от отца, не говорил с ним и на поминки не поехал. Ариадна Ивановна с Ниной Михайловной, выражая соболезнования, обращались только к Шевелеву и игнорировали его жену, так же поступили родственники по линии Зои, а Надежда Георгиевна вдруг поняла, как тяжело сейчас молодой женщине, расцеловала ее и обняла, и шепнула, что все наладится.

Отступив, она поймала взгляд Ани и вздрогнула – столько в нем было холодного презрения.

Вспомнив сейчас тот взгляд, Надежда Георгиевна снова поежилась. Кажется, в тот день они с дочерью потеряли что-то очень важное...

Валерий вошел, свежий с мороза, и Ирина быстро обняла его, прижалась лицом к воротнику пальто, почти с наслаждением ощущая, как тают снежинки на ее горячей щеке.

– Иринushка моя, – прошептал Валерий.

Он снял пальто и шапку, стараясь не шуметь, чтобы не разбудить Егора, и тут Ирина заметила, что у него с собой ничего нет. Нет даже «дипломата», с которым он каждый день ходит на работу. Как же так?

– А я забежал подбодрить тебя перед процессом, – сказал Валерий и убил последнюю тень надежды, – все же это у тебя первое дело с высшей мерой...

– Как тебя из дому выпустили в такую поздноту? – спросила Ирина хмуро.

Валерий улыбнулся:

– Очень просто. Сказал жене, что завтра начинается очень сложный процесс и мне надо сосредоточиться. А всем известно, что лучше всего мне думается за рулем, так что возразить ей было нечего.

– А, понятно.

Валерий прямо в ботинках прошел на кухню и сел за стол. Ирина автоматически принялась готовить чай. Слова любовника о том, что завтра непременно надо провести распоряди-

тельное заседание, поскольку тут преступление, за которое в качестве меры наказания может быть назначена смертная казнь, доносились до нее будто сквозь вату. Будто рядом только что упала и разорвалась бомба, и она, контуженная, но зачем-то выжившая, пытается понять, кто она и что же теперь делать.

– Извини, к чаю ничего интересного нет, – сказала она и поставила перед Валерием дымящуюся кружку.

– Да я не за этим сюда шел, Иринушка, – он игриво улыбнулся и притянул ее к себе, – раз уж я здесь...

– Сын может проснуться.

– Мы тихонечко.

– Нет. Не дай бог, увидит нас и испугается.

– А мы в ванной запремся. Ну пойдем, милая, я так соскучился!

Валерий поцеловал ее в шею, сразу над ключицей. Обычно Ирине эта ласка была очень приятна, но сейчас она ничего не чувствовала. И все же не сопротивлялась, когда любовник повлек ее в ванную, только проверила, что он заложил щеколду. Происходящее сейчас совсем не походило на то спокойное, уже почти супружеское соитие в общей постели, которое предлагала Ирина. Валерий и раньше овладевал ею в ванной, и на кухне тоже бывало, а один раз они занялись любовью прямо в прихожей, едва успев закрыть за собой дверь. Эта раскованность всегда была Ирине приятна: она считала, раз Валерий не смущается воплощать вместе с ней свои фантазии, значит, любит и доверяет. Стало быть, они близки по-настоящему, и уж всяко Ирина дороже ему, чем пресная и толстая кулема-жена. Если Валерий что-то предлагал любовнице, она с энтузиазмом соглашалась, а как же иначе, ведь они так любят друг друга.

Но сегодня она вдруг, ощутив спиной холод стены, подумала, что в такой позе имеют подзаборных проституток, а не любимых женщин. Что Валерий делает с ней все, что ему хочется, не потому, что сильно любит. Просто он не принимает ее всерьез. Жену бережет, а с любовницей что стесняться? Сделал дело и отвалил.

Ирине вдруг стало так стыдно, что она попыталась высвободиться, но Валерий держал ее крепко и не отпустил, пока не закончил. Наверное, решил, что она просто потеряла равновесие. Что ж, в сущности, так оно и есть.

Одернув платье, она вышла в коридор и без сил опустилась на галошницу. Валерий возился в ванной, приводил себя в порядок, а вернее, проверял, чтобы на нем не осталось никаких компрометирующих следов. «Господи, – Ирина стиснула кулаки, до боли вонзив ногти в ладони, – сделай чудо, пусть он сейчас останется! Вразуми его, господи, пусть он поймет в эту самую секунду, что никто ему не нужен, кроме меня, потому что иначе я погибну! Господи, я правда не могу больше быть одна...»

– Ну все, милая, я побежал, моя ласточка. – Валерий наклонился, поцеловал ее, быстро надел ботинки и взял пальто.

– Побудь еще...

– О, дорогая, да ты же совсем спишь. Ложись скорее, отдыхай, завтра у тебя ответственный день.

Ирина молча закрыла за ним дверь. Меньше часа прошло с тех пор, как она носилась по дому, окрыленная надеждой, и вот снова ударилась о твердую землю. За что, почему судьба так жестока с нею?

Чувствуя, как ее начинает бить самая настоящая дрожь, Ирина быстро прошла на кухню и достала вино. Бокала на привычном месте не было – она спрятала его перед приходом Валерия, чтобы он не понял, как она в одиночку пьет. Сейчас Ирина не могла вспомнить, куда убрала посуду, и выпила прямо из горлышка.

Отчаяние затопило ее сердце жгучей болью, которая с каждым вздохом становилась все острее. «Хорошо бы это был инфаркт, и я бы умерла прямо сейчас». Ирина сползла по стеночке

вниз, осев на пол между мойкой и буфетом. Что-то надо делать, но что? Как можно заставить Валерия уйти от постылой жены? Господи, как же тяжело сознавать собственное бессилие!

Ирина стукнула затылком об холодную стену. Потом еще раз, посильнее. Испугалась, что Егор проснется, прибежит в кухню и увидит мать такой – обессиленной, распушенной, сидящей на полу с некрасиво разбросанными ногами и с бутылкой вина в руке.

Она выпила еще. Боль не отпускала, но удалось немного от нее отгородиться. Как бы да, я знаю, что внутри у меня горшок с раскаленной лавой, но если буду осторожна, то лава не станет выплескиваться и обжигать меня.

Отсалютовав бутылкой в пустоту, Ирина сделала большой глоток и засмеялась. Она ясно представила себе этот горшок с толстыми глиняным стенками, греческим орнаментом и маленьким сколом на горлышке, а внутри настоящую лаву, переливающуюся цветами от белого до багрового и иногда подергивающуюся по поверхности легкой угольной пылью.

Да, сегодня он не остался, но зашел, поддержал перед тяжелым процессом! Рискнул недобольством жены, это уже шаг вперед. Раньше Валерий никогда не заглядывал к ней так поздно. И он обещал, что они поженятся. Валерий ясно дал понять, что этот процесс важен для них обоих, он откроет им карьерные перспективы, а значит, и возможность быть вместе. Следовательно, нужно сосредоточиться на деле, а не предаваться отчаянию, наливаясь вином.

Ирина стиснула зубы – с каждым днем верить в счастье становилось все труднее и труднее.

Она покачала бутылку перед глазами – вина там оставалось чуть меньше половины. Впрочем, какая разница, ясно, что она не встанет, пока не допьет до конца.

Итак, процесс. Кирилл Мостовой обвиняется в убийстве шести девушек, и ей, судье Ирине Андреевне Поляковой, предстоит доказать его вину и назначить наказание, смертную казнь. Это будет первый такой опыт, потому что, к счастью, подобные дела почти не попадают в районные суды: серийные убийцы редко ограничиваются одним районом и, к слову, никогда не действуют вблизи своего жилища. Почему то, что места преступлений оказались поблизости от привычных маршрутов Мостового, стало не уликой, конечно, но аргументом в пользу его вины, не очень понятно. Уверенно он, видите ли, чувствует себя в привычной обстановке! А кто ему мешал гулять по городу и изучать непривычную обстановку? Глухие закоулки и безлюдные скверы найдутся в любом районе нашего города, зато меньше вероятность, что из подворотни вдруг вынырнет не совершенно незнакомый человек, а вполне себе такая конкретная баба Маня или лучше бывший десантник, а ныне грузчик дядя Петя, и спросит: «Кирюша, миленький, а чем это ты сейчас занимаешься?» Ирина снова засмеялась: нет, если бы она была маньяком, определенно чувствовала бы себя безопаснее вдали от дома.

– Что ж, Кирилл, – сказала она вслух, – рок, значит, любишь? Рок – значит судьба... Ну и как тебе такой рок, Кирилл, что тебя, скорее всего, расстреляют, хоть и не убеждена я, что ты виноват... Не убеждена...

Ирина в несколько больших глотков осушила бутылку и поднялась на ноги, слегка пошатываясь.

– Что? Не хочешь высшей меры? – усмехнулась она. – Не виноват, говоришь? Понимаю... Я вот тоже не хотела остаться одна и тоже ни в чем не виновата. Только я ничего не могу сделать. И ты не можешь.

Ирина пришла на работу с больной головой. Ее мутило и подташнивало, а когда в туалете посмотрела в зеркало, то в безжалостном сиянии ламп дневного света убедилась, что косметика не скрыла желтых теней под глазами. «Вот и допилась ты до похмелья, матушка моя», – вздохнула Ирина и попыталась укоризненно покачать головой своему отражению, но это сразу отозвалось болью в макушке и новым приступом тошноты.

От мертвого света и гудения люминесцентных ламп Ирина чувствовала себя рыбой, выброшенной на берег. К счастью, распорядительное заседание было после обеда, и она надеялась, что к этому времени похмелье пройдет, не так уж много она вчера и выпила, и, если разобраться, плохое самочувствие у нее больше от огорчения, чем от вина.

Напившись воды прямо из-под крана, Ирина как могла поправила помаду на губах и отправилась в свой кабинет. Там ее ждал сюрприз: вместо симпатичного Николая обнаружилась дама лет сорока с чуть оплывшим, но миловидным лицом.

Ирина нахмурилась и вспомнила, что вчера Валерий предупреждал о замене народного заседателя, только она была в таком отчаянии, что почти его не слушала.

Так получилось, что Ирина вошла в собственный кабинет последней, и новая заседательница приветствовала ее так, будто это она здесь хозяйка. Она представилась и громким бодрым голосом, от которого нахлынула новая волна головной боли, заявила, что готова исполнять свои обязанности. «Да пошла ты...» – мысленно ответила ей Ирина и заметила на правой руке женщины широкое обручальное кольцо. Во рту разлилась горечь, а сердце наполнилось каким-то очень темным и противным чувством, то ли завистью, то ли ненавистью. «Специально такое здоровенное кольцо выбрала. Смотрите все! Я замужем! Счастливая жена и мать! Плевать, что жопу наела и щеки по плечам лежат, на голове больше лака, чем волос, а блузка на мне вообще с жабо! Зато я замужем-замужем-замужем! – бесновались темные силы в душе Ирины, пока она пыталась сложить лицо в приветливую улыбку. – Есть у меня мужик в хозяйстве! Да, его от меня тошнит давно, но он обязан со мной спать, потому что иначе я заявлю на него куда следует. Он сам тоже мне надоед хуже горькой редьки, вообще-то я гораздо больше люблю жрать, чем заниматься любовью, но зато я могу всем тыкать в нос своим обручальным кольцом. Это и называется семейное счастье, если кто не в курсе».

Пришлось открыть первый попавшийся на столе скоросшиватель и сделать вид, будто там написана невероятно важная информация, а тем временем попытаться обуздать душившую злобу. Господи, ну как же так! Почему из трех женщин в этом кабинете она, Ирина, самая несчастная? Новая заседательница уже немолодая, но зато у нее достойная жизнь, крепкий брак, наверняка дети – отличники, радуют мать, вон какая у нее довольная физиономия. И на работе она, судя по поведке, не последний человек. Жизнь удалась, одним словом.

Вторая, наоборот, молодая девчонка. Ну как девчонка... Кажется, ей двадцать шесть, еще пара секунд – и все, старая дева. Но у нее нет за плечами развода, и ребенок от первого брака не идет с ней в комплекте. Зато она так «упакована», что сразу видно – девочка не из простой семьи. Сама за рулем, одежда – сплошная «фирма». И поведение очень уж раскованное. Вроде бы ничего особенного, вежливая, приветливая, доброжелательная, но за этой манерой сразу видно избалованного ребенка, который в жизни получал все, что хочется, и горя не знал.

Не сказать, что прямо красавица, но лицо интересное, живое. Обаятельная девушка, найдет себе прекрасного мужа, а если у самой не получится, то родители подсуеются.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.